
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ НА МОСКОВСКОЙ И ТЕГЕРАНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИЯХ

Международная обстановка к осени 1943 г.

Коренной перелом в Великой Отечественной войне, да и в целом во Второй мировой, ставший результатом прежде всего побед Вооруженных сил Советского Союза, кардинальным образом менял стратегическую ситуацию в мире. Все яснее становился тот факт, что Германия и ее союзники не имеют шансов на победу. В 1943 г. в СССР, США и Великобритании «было выпущено самолетов — в 3,5 раза, танков и самоходных артиллерийских установок — в 6 раз, орудий и минометов — в 4,6 раза больше, чем в странах оси»¹.

О коренных изменениях в ходе войны говорило и начало распада фашистского блока: вышла из войны Италия, пораженческие настроения нарастали в союзной Финляндии и странах-сателлитах — Венгрии и Румынии, со стороны которых все активнее шел зондаж по поводу возможного выхода из войны. После окончания битвы на Курской дуге «японский генеральный штаб впервые за всю историю своего существования приступил к составлению на 1944 г. плана, в котором предусматривались не наступательные, а оборонительные действия в случае войны с Советским Союзом»².

Несмотря на позитивные для стран антигитлеровской коалиции изменения, они отнюдь не означали, что война уже выиграна. Как писал в июне 1943 г. британский государственный деятель У. Бивербрук, «все решительно изменилось в пользу союзников... И все же, несмотря на все это, как на Западе, так и на Востоке игру еще предстоит выиграть. Русские лишь вернулись на те рубежи, которые они занимали в это время в прошлом году. Англо-американцы еще нигде не вступили на Европейский континент»³. Неслучайно в Вашингтоне и Лондоне тогда активно обсуждалась возможность создания фашистской Германией «европейской крепости» для удержания своих завоеваний на континенте. На советско-германском фронте одним из ключевых рубежей считалась река Днепр.

Тем самым для стратегической ситуации осени 1943 г. была характерна двойственность: с одной стороны, было очевидно, что фашистская Германия и ее союзники проиграли войну, с другой — для достижения окончательной победы от ведущих государств антигитлеровской коалиции требовалось еще большее напряжение сил. Если первое обстоятельство повышало внимание СССР, США и Великобритании к послевоенным проблемам, то второе придавало огромную значимость конкретным шагам трех держав в определении планов дальнейшего ведения войны. Именно это и определяло значение осени 1943 г. — периода проведения Московской и Тегеранской конференций, как поворотной точки в дипломатической истории

Второй мировой войны. От решений, принятых СССР, США и Великобританией применительно к их действиям во все еще продолжавшейся войне, напрямую зависели контуры послевоенного мира. Перед ведущими государствами антигитлеровской коалиции стояли серьезные вопросы, касавшиеся их взаимодействия и требовавшие скорого разрешения. Они были общими для СССР, США и Великобритании, однако каждая из трех великих держав подходила к ним по-своему.

Первый вопрос заключался в том, насколько союзники могут доверять друг другу, поскольку без определенного минимума доверия их взаимодействие было крайне затруднительным. Для СССР принципиальное значение имел фактор второго фронта: «Действительно ли политика США и Великобритании достойна доверия, учитывая то, что ключевой запрос — об открытии военных действий в Северной Франции — ими не выполняется?»⁴ Вопрос второго фронта помимо своего стратегического значения играл для Москвы роль пробного камня в отношениях с западными союзниками, и затягивание с его открытием воспринималось крайне негативно. Даже такие знатоки англо-американской политики, как посол в Великобритании И. М. Майский и посол в США М. М. Литвинов, видели в этом стремление к «максимальному истощению и изнашиванию сил Советского Союза для уменьшения его роли при разрешении послевоенных проблем»⁵.

Сомнения насчет намерений союзника существовали также в среде американской и британской политических элит. В Вашингтоне уже в начале 1943 г. бывший посол в СССР У. Буллит призывал не допустить, чтобы русские «заменяли нацистов в качестве повелителей Европы». В группу американских «пессимистов», с крайним недоверием относившихся к СССР, входили и другие политические и военные деятели (например, помощник военно-морского атташе США в Анкаре Дж. Эрл и генерал А. Ведемейер), объединенные убеждением «в «неисправимости» сталинского режима, исключавшей возможность нормального сосуществования с ним»⁶.

Президент Ф. Рузвельт, все яснее осознававший на протяжении 1943 г. возрастающую роль СССР в послевоенном мире, оказывал сдерживающее влияние на подобные настроения. В Великобритании ситуация складывалась несколько иная. Премьер-министр У. Черчилль был одним из тех политиков, кто практически всегда питал по отношению к действиям Москвы скрытые или явные опасения. Показательно, что в ноябре 1943 г. У. Черчилль, хорошо знавший историю, вдруг вспомнил об О. Кромвеле: «Кромвель был великим человеком, не так ли?.. Но он допустил одну ужасную ошибку. С детства напуганный мощью Испании, он упустил усиление Франции. Не будет ли это сказано и обо мне?» Как отмечает один из британских исследователей, эта ремарка явно выдавала «страх Черчилля перед намерениями русских»⁷.

В донесениях разведки, шедших в Москву, также отмечались подозрения британских политиков по отношению к истинным целям, преследуемым СССР: «Англичане... боятся, что после открытия союзниками второго фронта СССР сократит свои военные усилия против Германии и этим даст возможность Германии побольше «потрепать» союзников»⁸.

Помимо вопроса о доверии между союзниками по антигитлеровской коалиции, важной была и проблема выяснения совместимости внешнеполитических целей трех государств и возможности их согласования. Хотя все три ведущие державы присоединились к Атлантической хартии августа 1941 г., ее положения явно нуждались в конкретизации. Вопрос о различии государственных целей имел непосредственное отношение к послевоенному планированию, которое развернулось во всех трех столицах.

В Советском Союзе эта работа проводилась в основном комиссиями НКВД. В Великобритании появился Подкомитет по планированию после прекращения военных действий, входивший в структуру Комитета начальников штабов (КНШ), и Комитет по условиям перемирия и гражданской администрации (под председательством заместителя премьер-министра К. Эттли)⁹. В США активизировал свою деятельность Совещательный комитет по вопросам внешней политики, перед которым была поставлена задача разработки «документов, которые могут служить основой для более конкретного рассмотрения возможных политических линий и предложений»¹⁰.

Особую заинтересованность в выяснении целей союзника после войны проявляли Вашингтон и Лондон. В своих мемуарах государственный секретарь США К. Хэлл описывал ситуацию следующим образом: «Россия во всем была сфинксом для других государств в мире, за исключением того, что она выстояла и героически сражалась»¹¹. О подобной критике в отношении «закрытости» советских внешнеполитических целей руководство СССР было осведомлено. М. М. Литвинов еще в июне 1943 г. писал о том, что отсутствие постоянного контакта и сдержанность советской стороны в обсуждении послевоенных проблем вызывают в Вашингтоне недовольство. В связи с этим посол рекомендовал «создать в Вашингтоне какой-нибудь орган постоянного военно-политического контакта с президентом и военным ведомством». Это могло, с его точки зрения, принести СССР три основных дивиденда: дать возможность влиять на стратегические планы Великобритании и США; получить полезную информацию; положить конец недовольству как в американских правительственных кругах, так и в общественном мнении, связываемому с нежеланием СССР обсуждать послевоенные проблемы¹².

Записка М. М. Литвинова наглядно демонстрировала взаимосвязь двух проблем: выявления целей союзников по антигитлеровской коалиции и дальнейшей судьбы самой коалиции. Каким образом в результате коренного перелома в войне трансформируются отношения между СССР, США и Великобританией? — таков был еще один ключевой вопрос, стоявший перед большой тройкой к осени 1943 г.

Советско-американо-британский треугольник не был «равнобедренным»: связи между Вашингтоном и Лондоном были теснее, нежели те, что каждая из этих столиц поддерживала с Москвой. Наиболее наглядное выражение на протяжении зимы — лета 1943 г. этот факт получил в проведении англо-американских конференций, в которых Советский Союз не принимал участия (в Касабланке, Вашингтоне и Квебеке). Практика предварительных двусторонних консультаций с последующим сообщением СССР согласованной точки зрения отнюдь не устраивала Москву и рассматривалась как «сговор» — эта мысль отчетливо прозвучала в послании И. В. Сталина Ф. Рузвельту и У. Черчиллю от 22 августа.

Как в записке М. М. Литвинова, так и в послании И. В. Сталина содержалась идея о том, что альтернативой британо-американскому «сговору» может стать углубление сотрудничества стран антигитлеровской коалиции, что позволило бы Советскому Союзу усилить свою роль при принятии решений в рамках коалиции. Однако оставался вопрос о том, насколько далеко сам СССР готов был пойти в деле интеграции в трехстороннюю систему планирования и принятия решений, сохраняя при этом необходимую свободу действий? Ответ на этот вопрос зависел и от того, насколько союзники готовы были учитывать интересы Москвы.

На асимметрию отношений в советско-американо-британском треугольнике в Вашингтоне и Лондоне смотрели по-разному. Ф. Рузвельт стремился к укреплению отношений США с СССР. Президент, по словам британского министра иностранных дел А. Идена, сказанным И. М. Майскому еще в апреле 1943 г., считал, что «англо-советские отношения значительно ближе и теснее, чем американо-советские. Он хотел бы сделать американо-советские отношения более похожими на англо-советские»¹³. В качестве важного шага США в этом направлении можно рассматривать решение о создании в октябре 1943 г. американской военной миссии в Москве наподобие уже существовавшей там британской. В этом же русле предпринимались и настойчивые попытки Ф. Рузвельта организовать личную встречу с И. В. Сталиным в обход У. Черчилля.

В этих попытках видно «безошибочное указание на меняющиеся приоритеты Рузвельта»¹⁴, а именно — повышение внимания к проблемам послевоенного мира, в котором СССР и США будут наиболее могущественными державами. Президент на протяжении 1943 г. все яснее видел, как Великобритания отстает по своей военной и экономической мощи от США и СССР, как на фронтах Второй мировой войны советские и американские войска играют всё большую роль по сравнению с британскими. Советско-американское сближение давало возможность Ф. Рузвельту добиться и другой немаловажной цели — лишить У. Черчилля роли «брокера» в отношениях между Вашингтоном и Москвой, стать «осью» военного союза трех держав¹⁵.

Нацеленность Вашингтона на сближение с СССР неизбежно должна была сказаться и на англо-американских отношениях. Как ясно писал один из ближайших помощников Ф. Рузвельта Г. Гопкинс в августе 1943 г., России «необходимо оказать всяческую помощь, должны быть приложены все усилия для обеспечения ее дружбы». Для достижения этой цели рекомендовалось не только сменить посла в Москве (что и было вскоре сделано: вместо близкого к группе «пессимистов» У. Стэндли был назначен А. Гарриман), но и несколько дистанцироваться от Великобритании¹⁶.

У. Черчилля такие перспективы, по понятным причинам, мало устраивали. Общее направление его мыслей осенью 1943 г. неплохо передает разговор с представителями доминионов, который состоялся 10 сентября в Вашингтоне: «...наши отношения с русскими развивались бы лучше, если бы вначале мы сумели обеспечить тесные связи с американской стороной. Для нас очень важно не позволить русским каким-либо образом сыграть на противоречиях с Соединенными Штатами»¹⁷. Если летом — осенью 1943 г. Ф. Рузвельт все активнее думал о сближении с СССР, то У. Черчилль в этот период, напротив, делал главный акцент на идее британо-американского союза как основы послевоенного мира. В речи в Гарвардском университете премьер-министр подчеркивал: «...ничто не будет работать слаженно или на протяжении долгого времени без единых усилий британского и американского народов. Если мы вместе, нет ничего невозможного. Если мы разделены, все пойдет крахом»¹⁸.

Специфика положения премьер-министра также обуславливала повышенную роль дипломатии в его общей стратегии. Если И. В. Сталин и Ф. Рузвельт могли прежде всего опираться на растущий военно-экономический потенциал собственных государств, то У. Черчилль умелыми действиями за столом переговоров должен был противодействовать этой тенденции, остановив или по крайней мере смягчив процесс «эрозии британского влияния»¹⁹.

Таким образом, осенью 1943 г. СССР, США и Великобритания стояли перед тремя ключевыми вопросами, ответ на которые должен был определить дальнейшее развитие антигитлеровской коалиции:

1. Насколько союзники могут доверять друг другу?
  2. Каковы их намерения и цели в отношении послевоенного устройства мира?
  3. Претерпит ли советско-американо-британский треугольник трансформацию и произойдет ли сближение И. В. Сталина и Ф. Рузвельта в ущерб посреднической роли У. Черчилля?
- Данные вопросы, переведенные в плоскость конкретных военно-политических проблем, по сути, и находились в центре Московской и Тегеранской конференций 1943 г.

Московская конференция министров иностранных дел трех держав

Несмотря на все новые победы союзников на фронтах Второй мировой войны летом — осенью 1943 г., состояние отношений между СССР с одной стороны и США и Великобританией с другой было, по оценкам современников, далеко не лучшим. На встрече Ф. Рузвельта с А. Иденом 21 августа Г. Гопкинс прямо говорил об «ухудшении отношений с Россией»²⁰. В беседах с И. М. Майским в августе — сентябре А. Иден признавал, что считает неудовлетворительным ряд аспектов во взаимоотношениях обеих стран. И. М. Майский выразил с этим согласие²¹. Отзыв послов: И. М. Майского — из Лондона и М. М. Литвинова — из Вашингтона, рассматривался многими как подтверждение пессимистических оценок.

Тот факт, что СССР отсутствовал на Квебекской конференции в августе 1943 г., еще нагляднее подчеркивал необходимость встречи представителей большой тройки для выявления намерений друг друга относительно послевоенного мира и согласования дальнейшей стратегии ведения войны. Непосредственный импульс к созыву Московской конференции был дан И. В. Сталиным в посланиях Ф. Рузвельту и У. Черчиллю от 8 и 9 августа. К концу сентября было окончательно согласовано и место проведения конференции, которым по настоянию советской стороны стала Москва²².

Ф. Рузвельт и У. Черчилль на Квебекской конференции

Важным был вопрос и о повестке дня грядущей конференции — она в немалой степени могла продемонстрировать, чего стороны ожидают от встречи. И. В. Сталин с самого начала упирал на необходимость «заранее установить круг вопросов, подлежащих обсуждению, и наметки предложений, которые должны быть приняты на совещании». Настойчивость Москвы в конкретизации повестки дня конференции и позиций союзников на ней вызвала настороженность в Вашингтоне и Лондоне, которые не спешили открывать свои карты. Как сообщал из столицы США У. Черчилль, он с Ф. Рузвельтом считал нежелательным «заблаговременное изложение наших взглядов по всем вопросам», запрашиваемое Москвой. Оба лидера выступали за «исследовательский характер» встречи, акцентируя преимущества непринужденной дискуссии и неформальной повестки дня, однако глава советского правительства сумел настоять на своем²³.

Мотивы, по которым советская сторона настаивала на практически-подготовительном характере конференции и стремилась максимально подробно представлять себе список вопросов и предложений, выносившихся на обсуждение, были вполне объяснимы. Московская конференция должна была стать первым союзническим совещанием высокого ранга и подготовкой первой встречи на высшем уровне, поэтому стремление И. В. Сталина, привыкшего к тщательной подготовке своих шагов, узнать намерения союзников и обеспечить предсказуемость работы конференции было вполне понятно. К подобным действиям располагала и подозрительность в отношении намерений союзников.

Например, в записке заместителя наркома иностранных дел СССР В. Г. Деканозова «К предстоящему заседанию в Москве министров иностранных дел» подход союзников к предстоящей конференции трактовался как стремление «отвлечь наше внимание и внимание мировой общественности (в том числе общественного мнения Англии и Америки) от острого вопроса об открытии второго фронта в Европе», а также использовать эту встречу «для прощупывания наших позиций по основным вопросам нашей нынешней и послевоенной внешней политики. В первую очередь имеется в виду наша позиция в германском вопросе»²⁴. Советская сторона опасалась того, что предложенный Вашингтоном и Лондоном исследовательский характер конференции исключит возможность получить от американцев и британцев конкретные обязательства в отношении главной проблемы, интересовавшей Москву, — второго фронта. Более того, подобное предложение подкрепляло опасение, что США и Великобритания стремятся лишь выведать советские намерения, использовать конференцию в своего рода разведывательных целях.

Эти опасения не были беспочвенными. У. Черчилль на заседаниях кабинета министров 4–5 октября 1943 г. подчеркивал, что «значение конференции заключается прежде всего в возможности выяснить взгляды русских». С его точки зрения, на данной стадии отсутствовала необходимость в том, чтобы сами британцы окончательно сформировали свои «мнения по вопросам, влекущим за собой серьезные последствия, которые должны быть решены после войны»²⁵. За этим скрывалось явное нежелание брать на себя обязательства в отношении СССР, которые были бы связаны с вопросами послевоенного урегулирования. Ведь по мысли У. Черчилля, высказанной еще в Квебеке, «в следующем году Россия будет слабее относительно нас и США, нежели сейчас» (с чем Ф. Рузвельт был согласен)²⁶.

Таким образом, советская сторона стремилась максимально ясно представлять себе еще до начала конференции, о чем конкретно собираются говорить в Москве американцы и британцы, и, исходя из этого, тщательно проработать собственную позицию. Поэтому с началом конференции торопиться не стоило. Как писал В. Г. Деканозов, лишь по получении англо-американских предложений «будет видно, какие вопросы интересуют их сейчас в первую очередь. Тогда можно будет решить и вопрос о целесообразности для нас самого совещания». Состав советской делегации на конференцию был утвержден Политбюро относительно поздно — 14 октября²⁷.

Советская дипломатия стремилась заранее получить проекты Вашингтона и Лондона в отношении перечня вопросов, предлагаемых к обсуждению, и предложений по ним. С 19 сентября они начали поступать в Москву.

Британский проект повестки дня, переданный в этот день послом А. Керром наркому иностранных дел В. М. Молотову, включал в себя широкий круг проблем, которые можно сгруппировать вокруг трех основных тем: «принципиальное соглашение в отношении обращения с Германией»; цели советской политики в отношении стран Восточной и Центральной Европы, а также Французского комитета национального освобождения (ФКНО); институционализация трехстороннего взаимодействия СССР, США и Великобритании путем создания «аппарата для рассмотрения вопросов, требующих повседневного и тесного сотрудничества».

Американский проект, переданный 20 сентября, был более лаконичен. В нем яснее, чем в британском, был выделен приоритетный пункт — «Декларация четырех государств» (большая тройка плюс Китай) по вопросу о всеобщей безопасности, которая была призвана обеспечить продолжение сотрудничества стран антигитлеровской коалиции после окончания войны. Прилагался и предварительный проект декларации. Ф. Рузвельт и К. Хэлл рассматривали ее принятие в качестве одной из главных целей США на конференции²⁸.

В американской повестке дня также фигурировали вопросы об обращении с Германией, экономической реконструкции после войны и пункт, озаглавленный «Методы рассмотрения текущих политических и экономических вопросов, а также тех, которые могут возникнуть в ходе войны». Если идея, стоявшая за ним, аналогична британской — углубление сотрудничества между ведущими государствами антигитлеровской коалиции, то предлагаемый ме-

ханизм иной: консультации в одной из трех столиц между постоянными дипломатическими представителями и соответствующим министром иностранных дел²⁹.

Получив первое представление о круге вопросов, выносившихся на обсуждение Вашингтоном и Лондоном, советская сторона 29 сентября выступила с собственными предложениями, сразу заявив о своих приоритетах. Первым пунктом значилось: «Рассмотреть мероприятия по сокращению сроков войны против Германии и ее союзников в Европе». Причем речь шла о принятии США и Великобританией безотлагательных мероприятий, «которые обеспечат вторжение англо-американских армий в Западную Европу через Ла-Манш» еще в 1943 г. В письме американскому посольству особо оговаривалось, что поскольку речь идет о совещании представителей трех государств, американское предложение о рассмотрении на нем «Декларации четырех» не может быть принято³⁰. Москва опасалась осложнений с Японией в случае подписания СССР столь важного документа с участием Китая. По мнению В. Г. Деканозова, «в совещании трех министров и особенно в предполагаемой встрече трех глав правительств англо-американцы видят шаг вперед в деле возможного обострения советско-японских отношений»³¹. О неготовности СССР обсуждать «Декларацию четырех» в Москве И. В. Сталин дополнительно написал лично Ф. Рузвельту 6 октября.

Непосредственная подготовка СССР к конференции в сентябре — октябре 1943 г. была сосредоточена в комиссии под председательством заместителя наркома М. М. Литвинова. Помимо самостоятельных разработок проектов по тем или иным вопросам послевоенного устройства комиссия внимательно анализировала поступивший от американцев и британцев список вопросов для обсуждения на конференции, пытаясь выявить цели Вашингтона и Лондона, а также подготавливая предложения по позиции, которую стоит занять СССР. Итоговый документ, суммировавший советскую точку зрения на предстоящей конференции, был представлен В. М. Молотовым И. В. Сталину 18 октября в присутствии М. М. Литвинова, В. Г. Деканозова, А. Я. Вышинского и других³².

Настрой представителей трех государств перед началом самой конференции не отличался оптимизмом. В НКВД были недовольны тем, что, несмотря на неоднократные просьбы, отнюдь не по всем пунктам повестки дня от американцев и британцев поступили конкретные предложения. «В ходе конференции может оказаться, что нам предлагают совсем не то, что мы обсуждали, или могут быть выдвинуты новые предложения, нами не предусмотренные», — предупреждал М. М. Литвинов³³.

В этой связи он предлагал при необходимости прибегать к выжидательной тактике, прерывая обсуждение некоторых вопросов для того, чтобы «обдумать внесенные предложения» и позднее вернуться к ним. О намерении советской стороны не торопиться с мерами, которые могут быть истолкованы как уверенность в успехе конференции, свидетельствует и изменение плана протокольных встреч. Если изначально предполагалось, что уже в день прилета К. Хэлл и А. Иден будут приняты И. В. Сталиным в присутствии В. М. Молотова, то в конечном проекте осталась лишь встреча с наркомом³⁴. Сам В. М. Молотов 12 октября в ответ на «большие ожидания», которые возлагал на конференцию А. Керр, указал послу на «сложные проблемы», стоявшие перед министрами иностранных дел, и призвал всех дипломатов работать «по-стахановски»³⁵. Информация о настрое британцев, поступавшая по каналам советской разведки, также не вызывала большого оптимизма³⁶.

Настроения К. Хэлла и А. Идена были схожими. У К. Хэлла резкое разочарование вызывала позиция СССР в отношении «Декларации четырех», подписание которой на конференции было особенно важным для государственного секретаря. Отнюдь не ободряющими были и напутствия У. Черчилля А. Идену: «Я очень сочувствую Вам в связи с этой безрадостной конференцией и хотел бы быть с Вами»³⁷. Получая сигналы о твердой позиции руководства Советского Союза, англо-американцы готовились к жесткому торгу. «Мы тоже будем упрямы», — телеграфировал А. Иден А. Керру 13 октября³⁸.

Визит американской делегации во главе с К. Хэллом (его сопровождали новый посол А. Гарриман и глава военной миссии США в Москве генерал-майор Дж. Дин), намеченный сначала на 15 октября, несколько раз откладывался. А. Иден подстраивал дату своего при-

Заседание Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. Октябрь 1943 г.

бытия в Москву под К. Хэлла. В итоге обе делегации прилетели 18 октября. В тот же день состоялась их встреча с В. М. Молотовым: обсуждались вопросы предоставления информации прессе, время первого официального заседания конференции, состав лиц, которые будут на нем присутствовать³⁹.

19 октября заседания конференции официально начались в особняке НКВД на Спиридоньевской улице. На первом заседании ее председателем по настоянию К. Хэлла и А. Идена⁴⁰ был избран В. М. Молотов, что повышало его личную ответственность за исход встречи. После выяснения вопроса о правомочности конференции три министра согласовали повестку дня. Большим облегчением для К. Хэлла стали слова В. М. Молотова о готовности советской стороны включить в нее вопрос о «Декларации четырех». Учитывая, что это означало фактический отказ от ранее занятой позиции, а также принимая во внимание настороженность сотрудников НКВД в отношении любого осложнения отношений с Японией, есть все основания предполагать, что это было личное решение И. В. Сталина.

В. М. Молотов добился того, что главный для советской делегации вопрос о мероприятиях по сокращению сроков войны стоял в повестке дня первым. 19 октября нарком представил по нему предложения СССР. Советское требование о втором фронте было смягчено: основной акцент сместился с предложения «безотлагательных мероприятий» еще в 1943 г. на стремление выяснить, остается ли в силе ранее данное У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом обещание о вторжении в Северную Францию весной 1944 г. К тому же в целях сокращения сроков войны советская делегация считала возможным сделать предложение от имени трех держав двум нейтральным государствам — Турции и Швеции: первой — о немедленном вступлении в войну, второй — о предоставлении авиационных баз для борьбы против фашистской Германии⁴¹. Смягчение советской позиции по второму фронту было по достоинству оценено

союзниками. Уже 20 октября А. Иден сообщал в Лондон, что «мы очутились в неожиданно спокойных водах... нет никаких обвинений насчет недавнего прошлого»⁴².

Для ответа на главный вопрос советской делегации о подтверждении открытия второго фронта на заседание 20 октября, которое проходило в узком составе ввиду секретности обсуждавшихся вопросов, были приглашены британский и американский военные представители — генерал-лейтенант Г. Исмей и генерал-майор Дж. Дин⁴³. В своих выступлениях они резюмировали решения, принятые на Вашингтонской и Квебекской конференциях 1943 г., подчеркнув нарастающий объем воздушных бомбардировок и усиление ВВС США и Великобритании как важнейшее условие успешной высадки на континенте. Военные также предоставили весьма подробную информацию о количестве дивизий, которое планировалось задействовать в операции «Оверлорд», необходимых десантных кораблях и численности авиационных частей и соединений. Все это должно было убедить советскую делегацию в серьезности намерений США и Великобритании, а также продемонстрировать открытость и доверие, с которыми они предоставляли столь секретные сведения.

Однако в этих сообщениях были истораживающие для советской стороны моменты. Первый из них касался условий проведения «Оверлорда», в том числе наличия не более 12 германских моторизованных дивизий на территории Франции, Бельгии и Нидерландов к моменту вторжения, а также невозможности для фашистской Германии перебросить с других фронтов «более чем 15 первоклассных дивизий в течение первых двух месяцев операций». Примечательно, что У. Черчилль готов был, по всей видимости, считать и эти условия слишком мягкими. В телеграмме А. Идену от 18 октября он подчеркивал, что «максимальное сосредоточение германских сил, которое американцы и мы сможем преодолеть, — 8 дивизий на четвертый день после высадки. Это не было одним из изначальных условий, но следует из них»⁴⁴.

Неслучайно на заседании 28 октября член Государственного Комитета Оборона К. Е. Ворошилов поставил перед союзниками вопрос: «...что будет, если немцы смогут перебросить больше дивизий, например 16 или 17 дивизий? Послужит ли это поводом для отмены или затяжки операции?»⁴⁵. Не менее справедливым был вопрос К. Е. Ворошилова и о достоверности сведений по количеству германских моторизованных дивизий к моменту вторжения. Г. Исмей сослался на хорошую разведку, полагаясь, видимо, на перехват германской радиосвязи (операция «Ультра»). Тем не менее, как показали дальнейшие события, сомнения К. Е. Ворошилова были в немалой степени оправданы⁴⁶.

Второй пункт в докладах Г. Исмея и Дж. Дина, который таил в себе новые противоречия, заключался в том, что «масштаб первоначального наступления в значительной степени обуславливается тоннажем и количеством специальных десантных средств, которые будут иметься к тому времени в нашем распоряжении». Речь шла не только о производстве новых десантных средств, но и о передислокации уже имевшихся, а это неизбежно ставило вопрос о приоритетах союзнической стратегии ведения войны.

Англо-американский ответ был «в общем и целом удовлетворителен»⁴⁷. В. М. Молотов получил заверение в том, что ранее принятое решение о сроках «Оверлорда» остается в силе, доклады Г. Исмея и Дж. Дина были переданы советской стороне в письменном виде и составили приложения № 1 и 2 к особо секретному протоколу по итогам конференции⁴⁸. Также было принято решение о подготовке трехстороннего договора по обмену военной информацией, который, однако, к концу 1943 г. так и не был заключен⁴⁹.

Обсуждение двух других советских предложений по сокращению сроков войны проходило по несколько иному сценарию. Главными действующими лицами были В. М. Молотов и А. Иден. К. Хэлл, ссылаясь на невозможность обсуждать военные вопросы без консультации со своим правительством, занимал выжидательную или уклончивую позицию. О резонах СССР при формулировании предложения о давлении на Турцию с целью ее вступления в войну можно судить по телеграммам советского посла в Анкаре С. А. Виноградова. В июле, в частности, он писал В. М. Молотову: «В связи с изменившейся международной обстановкой... нейтральная Турция превратилась в неблагоприятный фактор, ибо Турция стала барьером, препятствующим союзникам перенести военные действия на Балканы».

Г. Исмей

Схожую мысль уже в октябре 1943 г. на встрече с А. Иденом высказал И. В. Сталин: «В настоящее же время турецкий нейтралитет, который был в свое время полезен союзникам, полезен Гитлеру, ибо он прикрывает его фланг на Балканах»⁵⁰. С. А. Виноградов предлагал организовать одновременное давление СССР, Англии и США на Анкару с целью использовать турецкую территорию в качестве плацдарма для кампании союзников на Балканах. «А если Турция откажет, то отказ не был бы «бесполезен» для нас, так как увеличил бы счет наших претензий к Турции, который мы в свое время сможем ей предъявить»⁵¹. Тем самым советское предложение по Турции представлялось практически беспроеигрышным: в случае его принятия можно было оттянуть силы Германии на Балканы, в случае отклонения — ослабить позиции Турции в глазах Лондона и Вашингтона, что могло затем благоприятно сказаться при решении вопроса о проливах.

В процессе подготовки НКВД к Московской конференции акценты были смещены: главным стало немедленное вступление Турции в войну, а не постепенное ее «уговаривание» (сначала базы, затем объявление войны Германии)⁵². Не исключено, что свою роль в выдвижении вопроса играли и тактические причины: поскольку американцы и британцы не могли предложить конкретных мероприятий по созданию второго фронта уже в 1943 г., то можно было ожидать от них уступок по менее значимым проблемам.

На британскую позицию по вопросу о Турции серьезно влияла ситуация вокруг Додеканесских островов, ряд из которых был занят Великобританией после выхода Италии из войны и за которые в октябре 1943 г. шли сражения с немцами. Потеря британцами и итальянцами 4 октября острова Кос увеличивала заинтересованность Лондона в ускоренном получении от Турции права пользования аэродромами в Юго-Западной Анатолии⁵³. В связи с этим А. Иден 25 октября выступил с компромиссным предложением: сначала обратиться к туркам с запросом о предоставлении авиабаз (это сдвинуло бы их «с позиции нейтралитета на позицию невоюющей стороны»), а уже затем предложить им вступить в войну⁵⁴.

В Вашингтоне на ситуацию смотрели несколько иначе. Ф. Рузвельт писал К. Хэллу о том, что «в настоящий момент мы не считаем целесообразным подталкивать Турцию к всту-

плению в войну», так как она потребует взамен большое количество военных материалов, что может негативно сказаться на операциях в Италии и готовящемся вторжении во Францию⁵⁵. Государственный секретарь довел эту позицию до советской стороны в меморандуме от 28 октября 1943 г.

В конечном счете, В. М. Молотов счел возможным пойти на компромиссное решение по турецкому вопросу. Во время встречи 1 ноября А. Иден подчеркнул значение турецких авиабаз для операций британских сил: без них падет остров Лерос, вторжение на занятый немцами Родос будет крайне осложнено⁵⁶. Британский министр предложил вариант, который и вошел в «Протокол о Турции», подписанный СССР и Великобританией в тот же день. В нем говорилось о необходимости сделать Турции совместное предложение о вступлении в войну до конца 1943 г., а пока запросить у Анкары предоставления авиабаз «и других возможностей, которые могут быть признаны желательными двумя правительствами». При подписании данного протокола А. Иден шел на определенный риск, несколько выходя за пределы данных ему инструкций. Тем не менее логика в его действиях явно прослеживалась. «Я убежден, — доносил он в Лондон, — что в наших интересах действовать именно так: мы сможем получить базы сейчас, надавить на Турцию по вступлению в войну в течение двух месяцев и в то же время удовлетворить пожелания советского правительства по вопросу, которому оно придает особое значение»⁵⁷.

Благодаря настойчивости А. Гарримана и нежеланию Вашингтона отделяться от союзников США несколько изменили свою позицию — 10 ноября 1943 г. они также присоединились к «Протоколу о Турции»⁵⁸.

Если к обсуждению турецкого вопроса на Московской конференции по крайней мере британцы были готовы, то предложения СССР по Швеции вызвали у них удивление. По признанию А. Идена, эта мысль была для него новой. За идеей советской стороны надавить на Стокгольм в целях получения авиабаз стояло несколько соображений. Отношение Москвы к шведской политике, особенно к транзитным перевозкам военных грузов в Финляндию, было негативным. В начале сентября 1943 г. заместитель наркома иностранных дел С. А. Лозовский причислял Швецию (наряду с Испанией, Португалией, Швейцарией, «не говоря уже о Турции») «к так называемым нейтральным странам, которые, по сути, помогли немцам»⁵⁹.

Во время беседы со шведским посланником В. Ассарсоном 18 сентября В. М. Молотов указал на то, что перевозки военных материалов, необходимых для войны против СССР, в Германию и Финляндию по железным дорогам Швеции (как и транзит через ее территориальные воды) продолжают⁶⁰. Наиболее подробный список нарушений Швецией своего нейтралитета был подготовлен для НКВД 1-м управлением НКГБ в ноябре 1943 г.⁶¹ Совместное давление трех держав на Стокгольм, как представлялось, могло заставить Швецию изменить позицию.

Выдвигая свои предложения по Швеции, советское руководство учитывало и опыт британцев. 8 октября в соответствии с соглашением с Португалией от 17 августа 1943 г. войска Великобритании получили военные базы на Азорских островах. Это был пример удачного давления на нейтральное государство с целью получения у него баз — схожего СССР хотел добиться и в отношении Швеции. Не только В. М. Молотов упоминал о прецеденте с Азорами, но и Ф. Рузвельт полагал, что эти недавние события учитывались советской стороной⁶². Не исключено также, что И. В. Сталин имел насчет шведских авиационных баз и собственные соображения. Во время бесед в начале декабря 1943 г. с командующим авиацией дальнего действия А. Е. Головановым «его интересовал вопрос, можем ли мы, не проводя наземных операций, силами одной авиации заставить правительство Финляндии выйти из войны»⁶³. В этом случае базы на территории Швеции могли быть отнюдь не лишними.

В ответ на советские предложения по Швеции А. Иден поставил вопрос о помощи, которую Стокгольм может запросить в обмен на авиационные базы, и также заметил, что «мнение Швеции имеет некоторое отношение к тому, что думает советское правительство о Финляндии»⁶⁴. Действительно, цели СССР в отношении Финляндии вызывали обеспокоенность за рубежом, причем не только в Стокгольме, но и в Вашингтоне⁶⁵.

На Московской конференции министров иностранных дел союзных государств

В. М. Молотов, не собиравшийся начинать дискуссию еще и по финскому вопросу, отказался связывать проблему шведских баз и Финляндии. В итоге конкретных решений по данному предложению принято не было — три державы согласились лишь продолжить изучение вопроса.

Второй вопрос повестки — «Декларация четырех государств» — вызвал на конференции серьезные дискуссии. К. Хэлл, обрадованный готовностью В. М. Молотова обсуждать его в Москве, 21 октября представил новый вариант декларации (за день до этого он был втайне передан и китайскому послу в Москве Фу Бинчану, который переправил его копию в Чунцин)⁶⁶. В новый вариант, в частности, был добавлен пункт о том, что декларация не затрагивает отношений государств, подписавших ее, с державами, с которыми они «не находятся в состоянии войны»⁶⁷. Это было сделано, чтобы успокоить СССР по поводу возможного обострения отношений с Японией. Для достижения этой же цели К. Хэлл согласился удалить из текста декларации пункт о технической комиссии, которая должна была координировать действия четырех держав «в случае возникновения угрозы миру».

За стремлением Вашингтона включить Китай в число государств, подписавших «Декларацию четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности», стояли серьезные соображения. Ф. Рузвельт не только рассчитывал на поддержку Китая в планируемой международной организации, но и предвидел потенциал его развития в будущем. В разговорах с Г. Гопкинсом в ноябре 1943 г. он упоминал о том, что через 50 лет Китай будет служить противовесом британскому и иному европейскому влиянию в Азии, сдерживать советские амбиции в регионе, быть заслоном против возрождающейся Японии⁶⁸.

На заседании 26 октября В. М. Молотов согласился с этим предложением — по всей видимости, с ведома И. В. Сталина. 30 октября Фу Бинчан от имени Китая поставил свою подпись под декларацией.

Вопрос о создании «международной организации для поддержания мира и безопасности», о которой говорилось в четвертом пункте декларации, с точки зрения советской делегации,

был тесно связан с поставленным Лондоном вопросом «о совместной ответственности за Европу в противоположность вопросу об отдельных районах ответственности». Предложение британцев сводилось к подписанию декларации, в которой помимо косвенного одобрения создания конфедераций в Европе говорилось бы о том, что СССР, США и Великобритания «не будут стремиться к созданию каких-либо отдельных районов ответственности в Европе»⁶⁹.

В комиссии М. М. Литвинова считали, что британское предложение вызвано двумя основными причинами: во-первых, Лондон стремился успокоить Вашингтон, опасавшийся возрождения политики «сфер влияния»; во-вторых, на него могли воздействовать «со свойственными им напористостью и способностью к закулисным интригам» поляки, опасавшиеся ввиду ходивших в Лондоне разговоров того, что Польша перейдет в советскую зону⁷⁰. В качестве контрпредложения М. М. Литвинов предлагал выступить с идеей создания специальной комиссии из представителей СССР, США и Великобритании для совместной разработки проблемы международной организации по охране безопасности.

В. М. Молотов во многом учел эти рекомендации. На заседании 28 октября нарком выступил с предложением о создании комиссии для «предварительной совместной разработки вопросов, связанных с учреждением всеобщей международной организации»⁷¹. Тем самым советская сторона не только избавилась от британской декларации, «имеющей целью дать удовлетворение полякам, туркам и другим, опасаящимся нашего влияния на востоке Европы»⁷², но и выступила в качестве сторонницы дальнейших шагов в деле международного сотрудничества, как заявил К. Хэлл. Этот пункт декларации впоследствии стал важной вехой на пути создания Организации Объединенных Наций.

Хотя А. Иден не стал подробно развивать британские планы о создании федераций в Европе, одно упоминание о них вызывало у СССР настороженность. Рассматривая в сентябре 1943 г. возможность образования федерации в масштабе всей Европы, советский дипломат Б. Е. Штейн отмечал: «...проектируемая теперь европейская федерация объективно может быть лишь орудием английской гегемонии на континенте Европы... Учитывая неизбежное ослабление ряда европейских государств после Второй мировой войны, Советский Союз вряд ли будет заинтересован в том, чтобы укреплять эти государства при помощи европейской федерации и, таким образом, способствовать созданию политического организма, более мощного, чем отдельные государства... при выборе между двумя концепциями: европейской федерации или отдельных союзов (конфедераций) скорее следует отдать предпочтение отдельным союзам, а не общеевропейской федерации»⁷³.

В проекте заместителя наркома А. Е. Корнейчука от 15 октября подобные соображения получили свое дальнейшее развитие. В ответ на поступившее британское предложение о создании объединений европейских государств в нем отмечалось следующее: «...нельзя не учитывать того, что освобожденные от гитлеровской тирании народы Европы прежде всего будут заинтересованы в восстановлении своих национальных прав, своего благосостояния и своего государственного суверенитета». Исходя из того, что членами предполагаемых объединений, по логике Лондона, могли стать государства, ныне являющиеся сателлитами Германии, какое-либо решение по данному вопросу было бы «в нынешних условиях, во всяком случае, преждевременным»⁷⁴.

Опираясь на эти идеи, 26 октября В. М. Молотов изложил в целом негативное отношение советской стороны к обсуждению вопроса о федерациях, подчеркнув также, что некоторые подобные проекты «напоминают советскому народу политику санитарного кордона, направленную, как известно, против Советского Союза и воспринимаемую поэтому советским народом отрицательно»⁷⁵. В итоге, А. Иден снял вопрос с обсуждения, отложив его на «соответствующий благоприятный момент».

Если В. М. Молотов опасался британских проектов в отношении стран Центральной и Восточной Европы, то и А. Иден настороженно относился к возможным действиям Москвы в этом регионе. Британские опасения наглядно проявились при обсуждении вопроса «о соглашениях между главными и малыми союзниками по послевоенным вопросам». К октябрю 1943 г. этот вопрос уже имел свою историю, начало которой можно отнести к британской

ноте от 9 июня 1942 г. Тогда, во время пребывания В. М. Молотова в Лондоне, обсуждался вопрос о заключении соглашения между СССР и правительством Югославии в эмиграции. «Иден, — как говорилось в памятной записке посольства СССР в Великобритании от 26 июля 1943 г., — предложил договориться о том, чтобы Советский Союз и Великобритания не заключали с другими государствами в Европе, правительства которых находятся в изгнании, договоров по послевоенным вопросам без предварительной взаимной консультации и согласования. В. М. Молотов обещал изучить этот вопрос и доложить об этом предложении советскому правительству»⁷⁶.

Летом 1943 г. А. Иден снова поднял эту тему, пытаясь заблокировать заключение готовившегося советско-чехословацкого соглашения. Последовала нотная переписка между Лондоном и Москвой, однако и на сей раз она не дала конкретных результатов. Накануне Московской конференции было подготовлено новое британское предложение, переданное А. Керром В. М. Молотову 1 октября⁷⁷. Его условия были жестче, нежели предлагавшиеся в июне 1942 г. Если раньше речь шла о незаключении договоров без взаимной консультации и согласования, то теперь СССР и Великобритания должны были вовсе не вести переговоров с другими европейскими странами «в отношении вопросов, касающихся мирного урегулирования или послевоенного периода». В. М. Молотов обратил внимание на изменение сути британских предложений и попросил разъяснений⁷⁸.

Вопрос был поднят на Московской конференции 24 октября. За день до этого В. М. Молотов разослал американцам и британцам проект договора «о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве» между СССР и Чехословакией сроком на 20 лет. В проекте особо оговаривалась возможность присоединения к нему при обоюдном согласии СССР и Чехословакии третьей страны, граничащей с ними, — подразумевалась Польша. Целью подобного пункта было сделать договор более приемлемым для Лондона.

На заседании 24 октября, выяснив, что англо-американского «фронта» в данном вопросе не существует (К. Хэлл сослался на свою непосвященность в советско-британскую переписку по этой проблеме и не проявил особой заинтересованности), В. М. Молотов перешел в наступление. Он подчеркнул положительное значение договора для СССР и Чехословакии, а также тот факт, что он «заключается между двумя государствами, имеющими общую границу, против возможной агрессии Германии в будущем, между двумя государствами, являющимися союзниками в теперешней войне против Германии». Нарком также зачитал советское заявление по вопросу о договорах по послевоенным вопросам. В нем, в частности, указывалось на право СССР и Великобритании «заключать соглашения по послевоенным вопросам с пограничными союзными государствами, не ставя это в зависимость от консультации и согласования между ними, поскольку такого рода соглашения касаются вопросов непосредственной безопасности их границ и соответствующих пограничных с ними государств»⁷⁹.

Данное заявление было показательным для концепций безопасности, существовавших у советского руководства в данный период. В НКВД господствовало убеждение в том, что вопросы послевоенного устройства «надо разрабатывать с точки зрения максимальной безопасности советских границ от нового нападения, а также с точки зрения того, как мы мыслим себе будущую Европу с точки зрения наибольшей устойчивости и безопасности»⁸⁰. В заявлении В. М. Молотова подчеркивался при этом и другой аспект, своего рода минимум требований СССР — обеспечение «непосредственной безопасности», то есть отсутствие непосредственных угроз границам СССР в виде соседних враждебных государств. В реализации этой цели советская сторона стремилась сохранить максимальную свободу рук, не ставя заключение договоров с приграничными государствами в зависимость от консультаций и соглашений с Лондоном и Вашингтоном.

Договор с Чехословакией был важен для Москвы и как определенная альтернатива британским планам конфедераций. Он задавал иной образец выстраивания системы европейской безопасности: не в виде объединений отдельных малых государств, а за счет двусторонних договоров о взаимопомощи между малым государством и великой державой.

Заявление А. Идена о том, что у него «нет возражений против договора» СССР и Чехословакии, приятно удивило В. М. Молотова. Однако британский министр еще в период подготовки к конференции предусмотрительно зарезервировал возможность одобрения советско-чехословацкого договора при двух основных условиях: возможности присоединения к нему Польши и наличия благоприятной атмосферы при обсуждении других вопросов, затрагивавших советско-польские отношения⁸¹.

Хотя А. Иден дал согласие на советско-чехословацкий договор 24 октября, обсуждение польского вопроса, с которым он связывал свое согласие на договор, состоялось лишь 29 октября. Настрой сторон не предвещал достижения крупных результатов. Советское правительство продолжало придерживаться точки зрения о невозможности возобновления дипломатических отношений с польским правительством в эмиграции, пока оно не изменит своей «враждебной позиции» в отношении СССР⁸². По каналам разведки в августе — октябре в Москву поступали сведения о подготовке польского правительства «к оказанию сопротивления Красной армии при вступлении ее на территорию Польши». Указывалось на то, что польское правительство и военные круги «фактически готовятся к войне против СССР, рассчитывая на поддержку США и Англии. Допускают, что англичане знают об указанных инструкциях (об оказании сопротивления Красной армии. — *Прим. ред.*) уполномоченному польского правительства и молчаливо одобряют их»⁸³.

Несмотря на нежелание возобновлять отношения с польским эмигрантским правительством, советское руководство не хотело предпринимать резких шагов, которые могли бы создать впечатление о создании в СССР нового польского правительства вокруг «Союза польских патриотов». Показательно, что в ноябре 1943 г. И. В. Сталин лично вычеркнул имя председателя этого союза В. Л. Василевской из списка представленных к награждению орденом Ленина⁸⁴ — такой жест мог быть неправильно истолкован за рубежом. Вместе с тем 1-я польская пехотная дивизия имени Тадеуша Костюшко, сформированная на территории СССР с мая 1943 г., пользовалась вниманием советского правительства. Об этом красноречиво свидетельствовали решения о награждении ее солдат и офицеров советскими государственными наградами⁸⁵. Советская сторона хотела продемонстрировать роль дивизии в борьбе с Германией, противопоставив ее агентам польского правительства, которые, с советской точки зрения, сотрудничали с немцами.

Таким образом, ожидать принятия серьезных решений по Польше на Московской конференции было затруднительно. На заседании 29 октября А. Иден вновь заявил о желательности возобновления дипломатических отношений между СССР и Польшей, отдельно упомянув проблему поставок польскому движению Сопротивления оружия и военных материалов. В. М. Молотов подчеркнул, что «оружие можно давать только в надежные руки», выразив также недовольство советской стороны в связи с тем, что участие 2-го польского корпуса (бывшая армия В. Андерса) в военных действиях затягивается⁸⁶. На том обсуждение польского вопроса и закончилось⁸⁷.

Расхождения советской и британской позиций выявились и по вопросам ситуации в Югославии. А. Иден стремился скоординировать политику Лондона и Москвы в отношении партизан во главе с И. Б. Тито и четников во главе с министром обороны эмигрантского правительства Д. Михайловичем. Фактически британский министр хотел использовать влияние СССР на И. Б. Тито с целью смягчить его позицию в отношении эмигрантского правительства и короля Петра и укрепить позиции Д. Михайловича, добившись одновременной отправки советской военной миссии как к партизанам, так и четникам. В. М. Молотов избегал конкретных обязательств, ссылаясь на недостаточность информации, которой располагала советская сторона (что, скорее, было дипломатическим ходом, чем отражением реальной ситуации). Нарком заявил о планах по отправке военной миссии к И. Б. Тито, дав понять при этом, что по поводу аналогичной миссии к Д. Михайловичу, который «поддерживает оккупантов и даже действует с ними заодно»⁸⁸, у Москвы есть серьезные сомнения. При этом был поставлен вопрос о получении у британцев базы в Африке для того, чтобы поддерживать связь с предполагавшейся к отправке советской военной миссией в Югославии⁸⁹.

Еще одна проблема, по которой советская и британская позиции не совпадали, заключалась в так называемых «мирных пробных шарах» со стороны вражеских государств. В течение 1943 г. и Москва, и Лондон неоднократно информировали друг друга о различных маневрах союзников Германии по выходу из войны и поискам компромиссного мира. Так, накануне Московской конференции от А. Керра поступала информация о зондаже со стороны Венгрии, а В. М. Молотов сообщил британскому правительству о дипломатических маневрах Японии⁹⁰.

Тем не менее в этой дипломатической переписке говорилось отнюдь не обо всем. Так, несмотря на неоднократные заявления советской стороны о том, что ключевым принципом в отношениях «союзников с Венгрией и другими сателлитами Германии и Италии» должна быть безоговорочная капитуляция⁹¹, 9 сентября британский посол в Турции Х. Нэдждэлл-Хьюдженсен передал венгерскому дипломату Л. Верешу условия предварительного соглашения о перемирии. Хотя в нем оговаривалось, что Венгрия должна объявить о безоговорочной капитуляции как можно скорее, тем не менее пока соглашение оставалось в тайне, при этом венгерские власти должны были пойти на сокращение своих военных усилий в пользу Германии, дабы продемонстрировать действительную готовность сотрудничать с союзниками. В конце сентября в Лондоне была подготовлена специальная миссия Управления специальных операций (СОЕ) для отправки в Венгрию с целью проведения саботажа на железных дорогах и военных заводах⁹².

За советско-британскими разногласиями по данному вопросу стояла не просто борьба теоретических концепций. Принцип безоговорочной капитуляции больше всего отвечал интересам СССР в обеспечении своей безопасности, позволяя добиться наиболее жестких условий в отношении фашистских стран-сателлитов. Так, в частности, в документе о капитуляции Венгрии комиссия К. Е. Ворошилова предусматривала оккупацию Вооруженными силами Советского Союза ее территории, а также установление контроля «над судоходством по реке Дунаю и другим водным путям Венгрии»⁹³. Напротив, отказ от принципа безоговорочной капитуляции открывал дверь планам, подобным тем, что развивались применительно к Венгрии весной — осенью 1943 г. спецслужбами как Великобритании, так и США. Их основная суть сводилась к тому, чтобы поддерживались контакты с оппозиционными группами в странах-сателлитах, которые должны были «выйти на свет» в период высадки англо-американских войск на Балканах. Это могло перекрыть Красной армии доступ в Восточную и Центральную Европу⁹⁴.

Учитывая взрывоопасный потенциал вопроса о «пробных мирных шарах», на Московской конференции министры иностранных дел сошлись на минимальной договоренности о необходимости информировать друг друга о «всякого рода пробных предложениях мира» и консультироваться с целью согласованных действий «в отношении подобных предложений».

Взаимная осторожность характеризовала и обсуждение на конференции германского вопроса. Еще в период подготовки к ней НКВД считал, что «одним из наиболее актуальных вопросов, по которым англо-американцы хотели бы прощупать нашу позицию, является германский вопрос, в частности вопрос о нашем отношении к условиям будущего перемирия с Германией и вопрос о ее послевоенном устройстве». М. М. Литвинов полагал, что у Вашингтона и Лондона отсутствуют готовые предложения по данному вопросу, выдвинут же он был «главным образом в результате антисоветской пропаганды, связанной с некоторыми нашими выступлениями и с образованием комитета «Свободная Германия» и Союза офицеров»⁹⁵.

Дополнительным стимулом к сдержанности при обсуждении германского вопроса служило и другое соображение, выдвинутое М. М. Литвиновым: «...не в интересах союзников теперь же прокламировать те крайние меры, к которым придется прибегнуть для обезвреживания Германии в качестве агрессора и максимального ослабления ее в этих целях в военном, экономическом и территориальном отношениях, и что публичное обсуждение этих мер может быть лишь на пользу Гитлеру, поскольку оно может сплачивать немцев и

СЕКРЕТНЫЙ ПРОТОКОЛ

Конференции в составе Государственного Секретаря Соединенных Штатов Америки г-на К.Хэлла, Министра Иностранных Дел Соединенного Королевства г-на А.Идена и Народного Комиссара Иностранных Дел Союза Советских Социалистических Республик В.М.Молотова,
происходившей в Москве 19-30 октября 1943 года.

В Конференции принимали участие:

от США	- г-н Гарриман, генерал-майор Дин, г-н Хэкворт, г-н Дан, г-н Болен и эксперты.
от Великобритании-	г-н Керр, г-н Странг, генерал Исмей, г-н Вильсон и эксперты.
от СССР	- Маршал К.Е.Ворошилов, А.Я.Вышинский, М.М.Житвинов, В.А.Сергеев, генерал-майор Грызлов, Г.Ф.Саксин и эксперты.

Повестка дня:

1. РАССМОТРЕНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ПО СОКРАЩЕНИЮ СРОКОВ ВОЙНЫ ПРОТИВ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ И ЕЕ СООБЩИКОВ В ЕВРОПЕ. (Предложено СССР).	См. особо секретный протокол Конференции.
2. а) ДЕКЛАРАЦИЯ ЧЕТЫРЕХ НАЦИЙ ПО ВОПРОСУ О ВСЕОБЩЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ. (Предложено США)	а) Принят текст Декларации. Декларация была подписана 30 октября (См. приложение № 1).
б) ОБ УЧРЕЖДЕНИИ КОМИССИИ ТРЕХ ДЕРЖАВ. (Предложено СССР).	б) Признано желательным, чтобы Представители Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Советского Союза провели предварительный обмен взглядов по вопросам, связанным с учреждением международной организации для поддержания международного мира и безопасности, имея в виду, что эта работа будет проведена, прежде всего, в Вашингтоне, а также в Лондоне и Москве.

3. СОЗДАНИЕ АППАРАТА ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ ВОПРОСОВ, ТРЕБУЮЩИХ ПОВСЕДНЕВНОГО И ТЕСНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА, В ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИИ И КОМПЕТЕНЦИИ ПОЛИТИКО-ВОЕННОЙ КОМИССИИ В АЛЖИРЕ.
(Предложено Соединенным Королевством).
- а) Решено создать Европейскую Консультативную Комиссию в Лондоне.
(См. приложение № 2)
- б) Решено создать Консультативный Совет по вопросам Италии.
(См. приложение № 3)
4. ОБМЕН МНЕНИЯМИ О ПОЛОЖЕНИИ В ИТАЛИИ И НА БАЛКАНАХ.
(Предложено Соединенным Королевством).
- а) Информация о положении в Италии и на Балканах.
- а) Состоялся письменный и устный обмен информацией.
- б) Предложение СССР о политике в отношении Италии.
- б) Принят текст Декларации
(См. приложение № 4)
- в) Предложение Советского Правительства о передаче Советскому Союзу части итальянского военного (1 линкор, 1 крейсер, 8 эскадренных миноносцев, 4 подводных лодки) и торгового (общим водоизмещением 40.000 тонн) флотов, перешедших в распоряжение англо-американских вооруженных сил в результате капитуляции Италии
- в) Г-н Иден и г-н Хэлл не выдвинули возражений против предложения Советского Правительства, но резервировали окончательный ответ.
5. МЕТОДЫ РАССМОТРЕНИЯ ТЕКУЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ, А ТАКЖЕ ТЕХ, КОТОРЫЕ МОГУТ ВОЗНИКНУТЬ В ХОДЕ ВОЙНЫ.
(Предложено США)
- См. решение по пункту 3-а.
6. ОТНОШЕНИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ КОМИТЕТУ, В ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПОЛОЖЕНИЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ МЕТРОПОЛИИ И СОЗДАНИЕ ВОЗМОЖНОГО ФРАНЦУЗСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.
- Состоялся обмен мнений по представленному на обсуждение Конференции Правительствами США и Соединенного Королевства документу:

"Основная схема управления освобожденной Францией". (См. приложение № 5)
В связи с поставленными Советской Делегацией вопросами и сделанными ею замечаниями представленный документ передан на рассмотрение Европейской Консультативной Комиссии.

Состоялся обмен мнениями, показавший единодушие по основным вопросам.

Вопрос передан для детальной разработки в Европейскую Консультативную Комиссию.

7. А. ОБРАЩЕНИЕ С ГЕРМАНИЕЙ И ДРУГИМИ ВРАЖЕСКИМИ СТРАНАМИ В ЕВРОПЕ.

а) Международный военный, политический и экономический контроль над Германией в течение периода перемирия.

б) Шаги, направленные к окончательному урегулированию: будущий статут германской правительственной системы, границы и другие вопросы, срок периода перемирия.

(Предложено США)

Б. ПРИНЦИПАЛЬНОЕ СОГЛАШЕНИЕ В ОТНОШЕНИИ ОБРАЩЕНИЯ С ГЕРМАНИЕЙ И ДРУГИМИ ВРАЖЕСКИМИ СТРАНАМИ В ЕВРОПЕ.

а) В течение периода перемирия, например, Контрольная Комиссия и пр.

б) При мирном урегулировании, например, границы, военная оккупация, разоружение, репарации, децентрализация германской правительственной системы и т.д. (Австрия).

(Предложено Соединенным Королевством).

Принят текст Декларации об Австрии.

(См. приложение № 6)

8. ВОПРОС О СОГЛАШЕНИЯХ МЕЖДУ ГЛАВНЫМИ И МАЛЫМИ СОЮЗНИКАМИ ПО ПОСЛЕВОЕННЫМ ВОПРОСАМ. (Предложено Соединенным Королевством).
9. СОВМЕСТНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ТУРЦИИ. (Предложено Соединенным Королевством).
10. СОВМЕСТНАЯ ПОЛИТИКА В ИРАНЕ. (Предложено Соединенным Королевством).
- Состоялся обмен мнениями, Принято к сведению заявление г-на Идена об отсутствии возражений против заключения Советско-Чехословацкого Договора, проект которого был ему сообщен.
- Вопрос рассматривался при обсуждении пункта 1-го.
- Принято следующее предложение, выработанное Комиссией, которая была назначена Конференцией:
1. После обмена мнениями Комиссия находит, что нет фундаментальной разницы в политике любого из трех Правительств в отношении Ирана;
  2. Комиссия не была в состоянии достигнуть соглашения о целесообразности немедленного опубликования любой декларации или деклараций в отношении Ирана;
  3. Опубликование такой декларации или деклараций может быть далее обсуждено представителями трех Правительств в Тегеране, чтобы эти три Правительства могли прийти к соглашению о целесообразности опубликования такой декларации или деклараций после подписания предполагаемого Ирано-Американского Соглашения и после соответствующей консультации с Иранским Правительством.

11. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СССР И ПОЛЬШЕЙ И ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ПОЛЬШИ ВОООЩЕ.
(Предложено Соединенным Королевством).
- Состоялся обмен мнениями.
12. БУДУЩЕЕ ПОЛЬШИ, ДУНАЙСКИХ И БАЛКАНСКИХ СТРАН, ВКЛЮЧАЯ ВОПРОС КОНФЕДЕРАЦИЙ.
(Предложено Соединенным Королевством)
- Состоялся обмен мнениями.
Принято к сведению заявление Советской Делегации.
(См.приложение № 7).
13. МИРНЫЕ ПРОВЫБНЫЕ ПАРЫ СО СТОРОНЫ ВРАЖЕСКИХ ГОСУДАРСТВ.
(Предложено Соединенным Королевством).
- Состоялся обмен мнениями.
Принято следующее решение:
"О линии поведения в случае получения пробных предложений мира от враждебных стран"-
"Правительства Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Советского Союза договариваются немедленно информировать друг друга о всякого рода пробных предложениях мира, которые они могут получить от правительств, отдельных группировок или лиц страны, с которой любая из трех сторон находится в состоянии войны. Правительства трех Держав далее договариваются консультироваться друг с другом с тем, чтобы согласовывать свои действия в отношении подобных предложений".

- 6.-
14. ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ТЕРРИТОРИИ СОЮЗНЫХ СТРАН, ОСВОБОЖДАЕМОЙ В РЕЗУЛЬТАТЕ НАСТУПЛЕНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОЮЗНИКОВ.
(Предложено Соединенным Королевством).
- Состоялся обмен мнениями.
Вопрос передан в Европейскую Консультативную Комиссию.
15. А. ПОСЛЕВОЕННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ.
(Предложено Соединенным Королевством).
- Признано необходимым продолжить изучение поставленных вопросов.
- Б. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РЕКОНСТРУКЦИИ.
(Предложено США).
- а) Сотрудничество в возмещении военного ущерба в СССР.
- а) Признано желательным приступить к переговорам между Народным Комиссариатом Иностранных Дел и Посольством США в Москве.
- в) Совместные действия по оказанию помощи другим странам.
- в) Приложено к настоящему Протоколу заявление Государственного Секретаря Соединенных Штатов Америки по параграфу "в" "Совместные действия по оказанию помощи другим странам". (См. Приложение №8).
- с) Сотрудничество на международной основе при рассмотрении таких вопросов, как продовольствие и сельское хозяйство, транспорт и средства связи, финансы и торговля и международное бюро труда.
- с) Приложен к настоящему Протоколу Меморандум Государственного Секретаря Соединенных Штатов Америки по параграфу "с" "Основа нашей программы по вопросам международного экономического сотрудничества". (См. приложение №9).

д) Вопрос о репарациях.

д) Состоялся обмен мнениями, в процессе которого было указано на спорность некоторых моментов представленного меморандума.

16. СОВМЕСТНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В ЮГОСЛАВИИ.
(Предложено Соединенным Королевством).

Вопрос снят с повестки дня Конференции по предложению г-на Идена.

17. ВОПРОС О СОВМЕСТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЕВРОПУ В ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ ВОПРОСУ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ РАЙОНАХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.
(Предложено Соединенным Королевством).

Обсуждался по пункту 12-му повестки дня.

18. ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГИТЛЕРОВЦЕВ ЗА СОВЕРШАЕМЫЕ ЗВЕРСТВА.
(Предложено Соединенным Королевством).

Принят текст Декларации.
(См. Приложение № 10).

19. О ВЗАИМНОМ ОБМЕНЕ ВОЕННОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ.
(Предложено Соединенным Королевством).

Принято следующее решение:

"Достигается договоренность, что в целях обеспечения всех союзников, занятых уничтожением противника, всей информацией, касающейся общего врага, Союзники должны взаимно и постоянно информировать друг друга о всех поступающих в их распоряжение технических военных сведениях, касающихся германской армии, военно-морского флота и воздушных вооруженных сил а также боевого качества соединений противника и применяемой тактики".

20. ОБ ОПУБЛИКОВАНИИ ДОКУ-
МЕНТОВ КОНФЕРЕНЦИИ.

Решено опубликовать документы,
приложенные к настоящему Про-
токолу под № 1,4,6,10.

Cordell Hull
В. Молотов.
Anthony Eden

Москва, "17" ноября 1943 года.

усиливать их сопротивление». По данным советской разведки, и сами британцы не питали особых надежд на принятие решений по Германии на Московской конференции. «Иден считает маловероятным, чтобы три державы пришли к какому-либо твердому соглашению по германскому вопросу», — говорилось в одном из донесений⁹⁶.

Показательно, что даже американское правительство, о планах которого по раздроблению Германии («план Уэллеса») было известно как Лондону, так и Москве⁹⁷, вело себя достаточно осторожно и не конкретизировало вариантов децентрализации Германии. При обсуждении данного вопроса на заседании 25 октября А. Иден и В. М. Молотов также воздержались от детальной разработки темы. Британский министр сослался на то, что его правительство «еще не приняло окончательного решения», а В. М. Молотов, по воспоминаниям К. Хэлла, положительно отреагировавший на его предложения и даже заявивший в частной беседе об энтузиазме И. В. Сталина по их поводу⁹⁸, на официальном заседании высказывался осторожно. Помимо опасений о том, что разговоры о расчленении Германии могут быть «на руку Гитлеру», нарком также упомянул: советское правительство, «вероятно, несколько отстало в изучении данного вопроса... наши руководители сейчас больше заняты военными проблемами»⁹⁹.

Помимо взаимной настороженности достижению конкретных договоренностей по германскому вопросу препятствовал тот факт, что и внутри самих союзных правительств по нему не было единства. Особенно это касалось СССР и Великобритании. Несмотря на то что комиссия М. М. Литвинова в сентябре — октябре 1943 г. представила достаточно подробные разработки по разделению Германии на несколько государств (от трех до семи)¹⁰⁰, в комиссии К. Е. Ворошилова преобладали более осторожные мнения в этом вопросе¹⁰¹. В чем-то схожая дилемма существовала и в британском кабинете министров, где высказывались две точки зрения. Согласно первой из них, политика раздробления Германии была нецелесообразной. Вторая точка зрения состояла в том, что «хотя было бы непрактичным разделять Германию на отдельные государства, многое говорит в пользу изоляции и даже отделения Пруссии, чье негативное влияние дважды привело к европейской войне»¹⁰².

Главным практическим решением Московской конференции, связанным с германским вопросом, стала «Декларация об Австрии». Это было во многом британское детище. Разрабатывая австрийскую проблему еще в мае, А. Иден исходил из того, что заявление о предоставлении независимости Австрии после войны усилит там движение Сопротивления, а также может стать первым шагом в разработке дальнейших планов относительно ее судьбы. И один из вариантов — Центрально- либо Юго-Восточно-европейская конфедерация, в которую помимо Австрии могли войти Польша, Чехословакия и Венгрия¹⁰³. В этом отношении британское предложение об Австрии было связано и с проблемой конфедераций, что верно отметили и в комиссии М. М. Литвинова¹⁰⁴. В итоге на самой конференции стороны сошлись на условиях, которые устраивали всех. В «Декларации об Австрии» признавалась незаконность аншлюса, подчеркивалось желание трех держав видеть «восстановленную свободную и независимую Австрию», а также отмечалось, что «ее собственный вклад в дело ее освобождения», не снимая с нее ответственности за участие в войне на стороне Германии, будет «неизбежно» принят во внимание. Декларация была встречена позитивно (в частности, «Движение свободных австрийцев» в Великобритании выражало «глубокую благодарность»)¹⁰⁵, ее положения использовались в советской радио-пропаганде на Австрию¹⁰⁶.

Если А. Иден шел на уступки В. М. Молотову в вопросах «Декларации четырех», отказываясь от формулировок, которые могли сократить свободу внешнеполитического маневра СССР, а также по проблеме «самоограничения» великих держав, то он рассчитывал, что успешное решение вопроса о Военно-политической комиссии (ВПК) позволит в определенной степени сбалансировать эти уступки. Самому созданию комиссии, которая бы занималась согласованием политических курсов трех государств, он отводил важное место, без нее, по его словам, невозможно никакое мирное урегулирование: «В подобном случае очень скоро после завершения одной войны мы будем готовиться к следующей»¹⁰⁷.

Подписание «Декларации четырех государств»
на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. 30 октября 1943 г.

Ухватившись за идею послания И. В. Сталина от 22 августа о создании Военно-политической комиссии «для рассмотрения вопросов о переговорах с различными правительствами, отпадающими от Германии», британский министр решил убить сразу двух зайцев: во-первых, функции ВПК, образованной 26 сентября, главным образом для рассмотрения вопросов, связанных с условиями перемирия с Италией, необходимо расширить; во-вторых, перенести место ее расположения из Алжира в Лондон¹⁰⁸. Последнее соображение, явно нацеленное на укрепление британских дипломатических позиций перед лицом Вашингтона, должно было, как надеялись в Лондоне, встретить в Москве положительную реакцию¹⁰⁹.

Британские расчеты были не безосновательны. М. М. Литвинов, еще в начале октября размышляя о планах создания союзной комиссии, отмечал, что ее пребывание «в Вашингтоне или Лондоне имеет для нас то преимущество, что наши представители не будут обязаны высказать сразу свое мнение по спорным вопросам, ссылаясь на необходимость получения инструкций из Москвы». Тем не менее он предлагал «добиваться создания этой комиссии в Москве»¹¹⁰. В. М. Молотов, однако, не стал выступать с подобными предложениями.

Поскольку Военно-политическая комиссия в Алжире, уже существовавшая к началу Московской конференции, занималась итальянскими делами, А. Идену было необходимо как-то образом соотнести новую предлагаемую им комиссию (в Лондоне) со схемой контроля и управления Италией. На заседании 22 октября он изложил свою концепцию, суть которой НКВД суммировал следующим образом: «В настоящее время в Италии и Алжире не создавать никаких межсоюзнических органов, кроме Контрольной комиссии; в Италии ключевую роль в течение периода военных действий должна играть Контрольная комиссия во главе с союзным главнокомандующим; после занятия Рима и возвращения туда итальянского правительства создается Консультативный совет при главнокомандующем, состоящий из высоких комиссаров (представителей США, Великобритании, СССР, а также, «если будет решено»,

ФКНО, Греции и Югославии), имеющий право предоставлять рекомендации главнокомандующему; после окончания военной кампании в Италии Консультативный совет получает от главнокомандующего «исполнительную власть над работой по контролю»¹¹¹. Внося указанные предложения, А. Иден стремился максимально сократить влияние СССР на ситуацию в Италии, сосредоточив контроль над ней в руках главнокомандующего, действующего по инструкциям англо-американского Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ).

Советские предложения, сформулированные в середине октября, были направлены на расширение функций Военно-политической комиссии в Алжире: она должна была «направлять и координировать деятельность организуемых на вражеских территориях военных органов и любых гражданских властей союзников по вопросам перемирия и контроля за осуществлением перемирия», издавать время от времени «инструкции и директивы для правительства Италии и при аналогичных обстоятельствах для правительств других стран оси с тем, что военно-оперативные вопросы полностью подлежат ведению союзных главнокомандующих»¹¹². Лондон, однако, «на изъятие контрольных полномочий у главнокомандующего» не собирался идти ни при каких обстоятельствах¹¹³.

К 24 октября НКВД сформулировал свою позицию по предложениям А. Идена о межсоюзных органах. Советская сторона соглашалась с созданием Военно-политической комиссии в Лондоне из представителей трех держав (участие ФКНО в ней считалось нецелесообразным), а также с образованием Консультативного совета по Италии с участием представителей ФКНО, Греции и Югославии, «не допуская дальнейшего расширения». Особо оговаривалось, однако, что Консультативный совет должен начать «функционировать немедленно на юге Италии, не дожидаясь занятия Рима», не будучи подчинен союзному главнокомандующему¹¹⁴.

Готовность СССР согласиться с «итальянскими» предложениями А. Идена вызвала недоумение в британском МИДе, где понимали, что они сводят советское влияние на ситуацию в Италии к минимуму¹¹⁵. Однако в НКВД, по всей видимости, в конечном счете, готовы были отнести Апеннинский полуостров в зону британских интересов¹¹⁶. К тому же создавался немало важный прецедент для ситуации в Центральной и Восточной Европе. Не исключено и то, что по вопросу о Военно-политической комиссии советской стороной изначально выдвигались завышенные требования, дабы, постепенно отступая от них, получить уступки и от союзников.

Хотя сама идея создания Военно-политической комиссии в Лондоне не вызывала протестов с советской стороны, пунктом советско-британских разногласий стал вопрос о ее функциях. В. М. Молотов стремился свести их к подготовке условий перемирия с Германией и ее союзниками, а также контролю над осуществлением принятых условий перемирия¹¹⁷.

Как следует из предложений по данному меморандуму, представленных комиссией К. Е. Ворошилова, советская сторона хотела добиться четырех основных целей: закрепить применение принципа безоговорочной капитуляции; усилить роль главнокомандующего на данном театре военных действий в реализации условий перемирия; создать возможности для вхождения в комиссию по вопросам перемирия в Европе союзных республик СССР, на территории которых происходили военные действия; обеспечить принципы равенства и единогласия в руководящем органе комиссии, что фактически давало бы Москве право вето¹¹⁸.

Не хотел также В. М. Молотов и того, чтобы комиссия в Лондоне становилась единственной площадкой, на которой обсуждались бы все европейские проблемы. Это могло сократить свободу дипломатического маневра СССР. В итоге нарком умело использовал предложение К. Хэлла о том, «чтобы в Вашингтоне, Лондоне или Москве собирать совещание во главе с министром иностранных дел при участии двух послов союзных государств»¹¹⁹.

В целом, советские поправки были в небольшой степени учтены в итоговых решениях по Европейской консультативной комиссии (ЕКК, так стала называться комиссия в Лондоне) и Консультативного совета в Италии. Хотя круг вопросов, которые могла рассматривать ЕКК, теоретически оставался весьма широким («европейские вопросы, связанные с окончанием военных действий, которые три правительства признают целесообразным ей передать»), советская сторона добилась не только возможности пересмотреть компетенцию комиссии, но и того, что разработка условий капитуляции стран оси была признана одной из первых

ее задач. Упоминался также формат трехстороннего обсуждения в соответствии с предложениями К. Хэлла, поддержанными В. М. Молотовым. В отношении Консультативного совета в Италии были учтены советские запросы о его незамедлительном создании, а также пожелание о прикомандировании к верховным комиссарам небольшого штата «технических советников, гражданских и военных» (британская делегация настаивала ранее на упоминании лишь технических советников)¹²⁰.

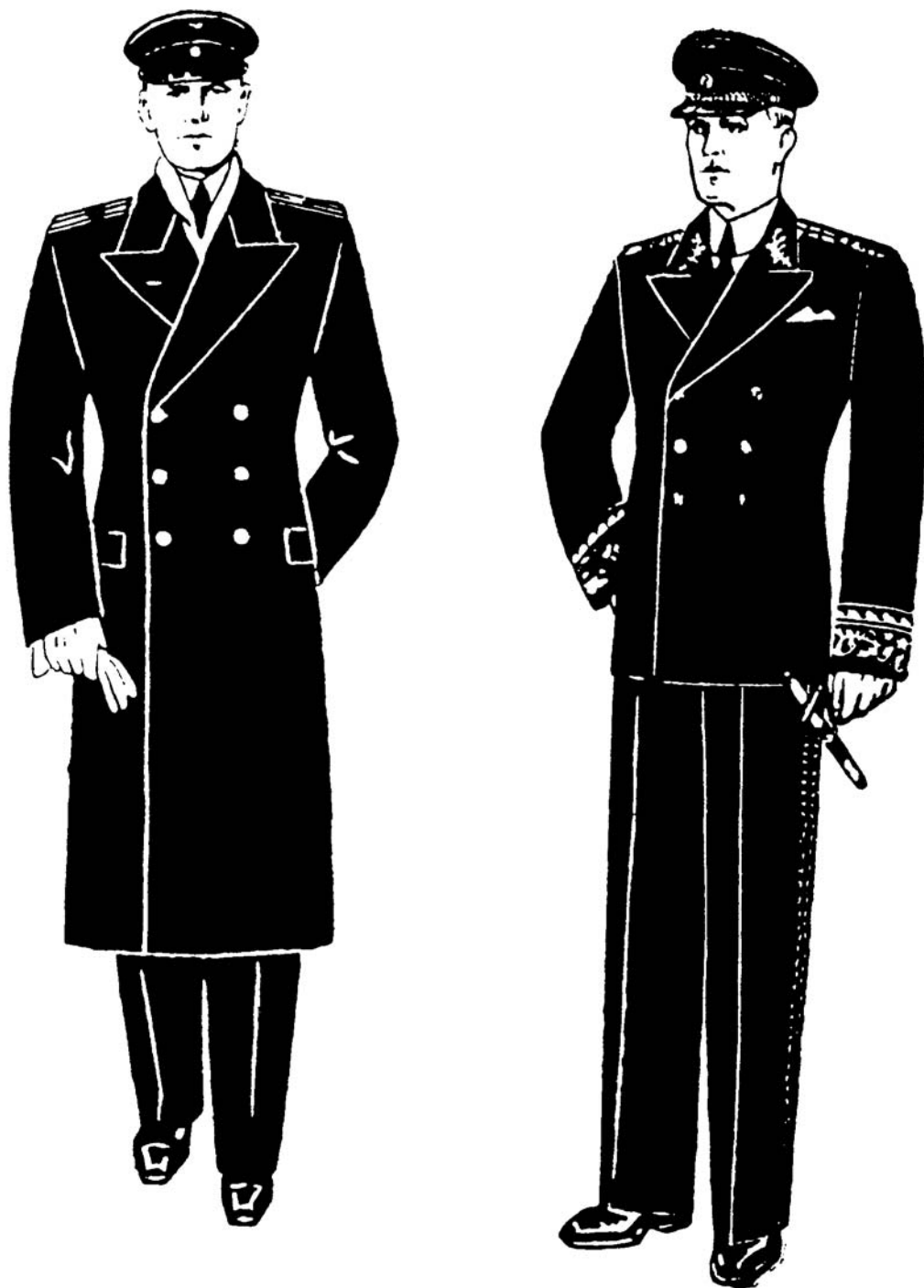
Если с тем фактом, что военный контроль над ситуацией в Италии будет сосредоточен в руках американцев и британцев, советская сторона согласилась относительно легко, то по вопросу о проведении там политических мероприятий по демократизации она первоначально заняла более жесткую позицию, которую в ходе дискуссии В. М. Молотов, однако, несколько смягчил.

В опубликованной «Декларации об Италии» выражалось единство взглядов трех стран на меры, которые необходимо было провести на итальянской территории, и даже подчеркивалось, что хотя время, «когда будет возможно полностью осуществить вышеуказанные принципы», определится ОКНШ, СССР, США и Великобритании будут «консультироваться друг с другом по этому вопросу» (данная фраза была вставлена по настоянию К. Хэлла). Опасения Москвы по поводу промедления с демократизацией итальянского правительства были не беспочвенны. 8 ноября У. Черчилль заявил своим коллегам по кабинету, что он выступает против расширения состава итальянского правительства до занятия Рима. Кабинет поддержал его мнение¹²¹.

Различие точек зрения сказалось и при обсуждении французского вопроса. Яркое проявившись еще в ходе признания ФКНО в августе 1943 г., оно давало о себе знать и во время Московской конференции. Направленная А. Иденом В. М. Молотову 24 октября «Основная схема управления освобожденной Францией» была нацелена на сведение роли ФКНО к минимуму. Комитет мог направить миссию по гражданским делам при штабе главнокомандующего, однако ей отводились консультативные функции. Назначение французского офицера, который должен был управлять гражданскими делами, также входило в компетенцию главнокомандующего. На заседании 27 октября В. М. Молотов ясно указал на те положения этой схемы, которые вызывали у СССР сомнения. Было решено, что вопрос будет передан на рассмотрение ЕКК.

Если при обсуждении большинства указанных выше проблем основная дискуссия разворачивалась между В. М. Молотовым и А. Иденом, то в вопросах о послевоенном экономическом сотрудничестве с СССР и экономической реконструкции после войны партию первой скрипки играл К. Хэлл. В американских предложениях по данным проблемам многое устраивало советскую сторону. Готовность Вашингтона вести переговоры по вопросам восстановления СССР после войны была подтверждением для Москвы, что предложения, сделанные еще в ходе визита Д. Нельсона, достаточно серьезны¹²². Позитивно воспринимались даже меры по либерализации международной торговли, с которыми выступали американцы. Как писал нарком внешней торговли А. И. Микоян В. М. Молотову еще до начала конференции, «советская сторона заинтересована в том, чтобы были облегчены условия международной торговли, и в связи с этим для нас нет оснований отказываться от участия в международных соглашениях по данному вопросу». А. И. Микоян предусматривал возможность пойти в отдельных случаях на полную отмену таможенных пошлин на ввозимые в СССР товары, он не был против вхождения СССР в Международную валютную организацию и принятия за основу американского проекта Международного стабилизационного фонда¹²³.

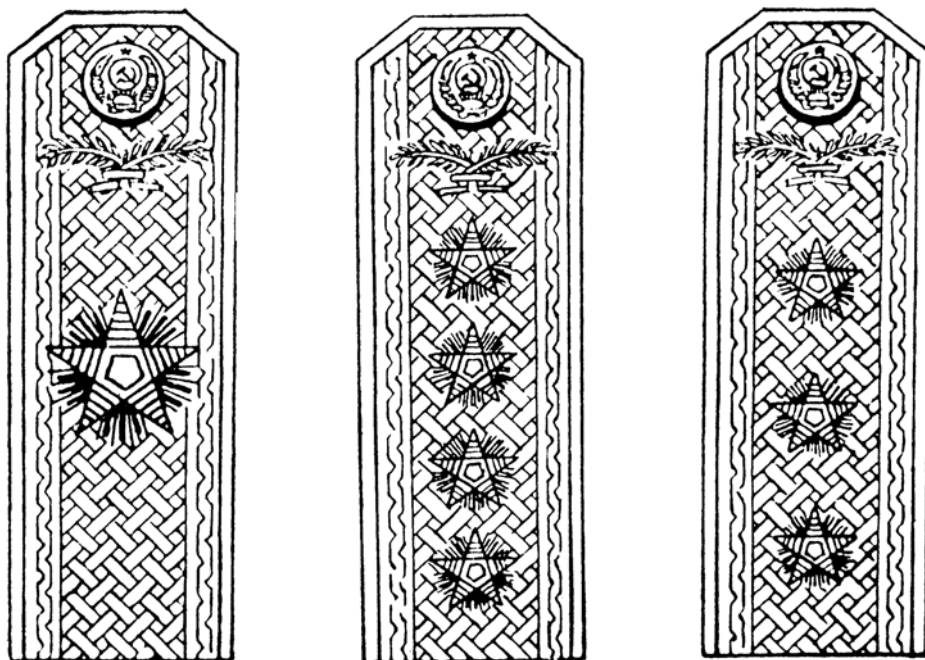
В. М. Молотов, опираясь на эту точку зрения, говорил на конференции о том, что «наши экономические органы относятся положительно к тем предложениям, которые сформулированы американским правительством» по вопросу международного экономического сотрудничества. Противоречия, однако, вызвал вопрос о репарациях. В. М. Молотова не удовлетворило то, что в американских предложениях не говорилось о репарациях со стран — союзников Германии, а также то, что объем репараций связывался с тем, насколько они могут быть получены «без такого ущерба для уровня жизни в Германии и для роста производства, который создал бы серьезные экономические и политические проблемы».

Парадная форма сотрудников НКВД СССР

Погоны народного комиссара (с 1946 г. министра) иностранных дел СССР

Погоны сотрудников НКВД СССР

ПРИКАЗ

по Народному Комиссариату Иностранных Дел СССР

№ 213

7 октября 1943 года

г. Москва

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 мая 1943 года «Об установлении рангов для дипломатических работников Народного Комиссариата Иностранных Дел, Посольств и Миссий СССР за границей» и Постановлением СНК СССР от 28 мая 1943 года «О введении форменной одежды для дипломатических работников Народного Комиссариата Иностранных Дел, Посольств и Миссий СССР за границей» приказываю:

1. Всем дипломатическим работникам Народного Комиссариата Иностранных Дел перейти на ношение форменной одежды и знаков различия — погон с 1 ноября 1943 года.

2. Присвоить ношение парадной форменной одежды следующему составу дипломатических работников Народного Комиссариата Иностранных Дел: советникам Наркоминдела, заведующим отделами, заместителям заведующих отделами, помощникам заведующих отделами, экспертам-консультантам, помощникам Наркома и заместителей Наркома.

3. Обязать управляющего делами т. Христофорова обеспечить всех дипломатических работников Посольств и Миссий СССР за границей парадной форменной одеждой в шестимесячный срок.

4. Объявить всему дипломатическому составу Народного Комиссариата Иностранных Дел Постановление СНК СССР от 28 мая 1943 года «О введении форменной одежды для дипломатических работников Народного Комиссариата Иностранных Дел, Посольств и Миссий СССР за границей» с приложениями.

5. Выполнение § 4 данного приказа и контроль за правильным ношением форменной одежды и знаков различия возложить на Протокольный Отдел НКВД (т. Молочкова).

Народный Комиссар Иностранных Дел

В. МОЛОТОВ.

Нарком отказывался следовать этой логике, подчеркивая, что «не в меньшей, а в большей мере заслуживает внимания вопрос о жизненном уровне тех стран, которые пострадали от нападения Германии», о чем в предложениях К. Хэлла говорилось «неясно»¹²⁴. В. М. Молотов, не последовав в этом вопросе рекомендациям комиссии М. М. Литвинова¹²⁵, высказался против принятия на конференции решения о создании комиссии по репарациям.

Еще одним вопросом, по которому выявились разногласия в позициях СССР с одной стороны и Великобритании и США с другой, был Иран. Целью союзников являлось подписание на конференции документа, в котором была бы сформулирована общая позиция трех держав по Ирану. И Лондон, и Вашингтон хотели получить от Москвы подтверждения обязательства о выводе войск из Ирана «не позднее шести месяцев после окончания войны с Германией и ее соучастниками», зафиксированного в советско-английско-иранском договоре от 29 января 1942 г. За этим стояли подозрения по поводу возможных действий СССР в Иране, которые новая советско-английская декларация (наряду с отдельным заявлением США аналогичного содержания) должна была несколько смягчить¹²⁶. Британцы надеялись, что в отдельной декларации по общей политике трех государств в Иране будут даны заверения союзников в стремлении облегчить продовольственную и транспортную ситуацию в стране. Американская сторона хотела видеть в тексте данной декларации одобрение деятельности зарубежных советников при иранском правительстве, являвшихся в основном гражданами США¹²⁷.

Все эти попытки англо-американцев вызывали в Москве настороженность. Советские представители в комиссии по Ирану, работавшей в рамках Московской конференции (заместитель наркома С. И. Кавтарадзе и заведующий 3-м европейским отделом НКВД, бывший посол в Тегеране А. А. Смирнов), не видели смысла в повторении обязательств в отношении вывода войск. Ссылаясь на отсутствие договора между США и Ираном, аналогичного советско-английско-иранскому, они ушли от подписания декларации¹²⁸. Еще меньше симпатий вызывало американское предложение относительно зарубежных советников. За их деятельностью в НКВД пристально следили еще с 1942 г.¹²⁹ и рассматривали ее через призму утверждения американского и британского влияния в Иране. Британское предложение о совместной политике по улучшению продовольственной и транспортной ситуации в Иране также не обещало советской стороне дивидендов. И в том, и в другом отношении ситуация была достаточно тяжелой, а средства СССР по ее улучшению ограничены. Лондону же это было на руку: приобщив Москву к декларации, он мог «разделить» иранскую критику политики союзников, а также приободрить Иран в свете его недавнего вступления в войну с Германией (с 9 сентября 1943 г.). Наконец, еще один довод советской стороны в пользу воздержания от каких-либо решений по иранскому вопросу состоял в том, что Москва не хотела создавать ситуации, при которой дела, касавшиеся Ирана, решались бы без его ведома и участия.

В итоге, предложение по вопросу «Совместная политика в Иране», принятое Московской конференцией, было, по сути, лишено конкретики. Стороны заявили об отсутствии «фундаментальной разницы» в политике в отношении Ирана, признали невозможность достичь согласия по вопросу о целесообразности немедленного опубликования какой-либо декларации по Ирану и согласились продолжить обсуждение вопроса дипломатическими представителями в Тегеране¹³⁰.

Более конкретных результатов на конференции в Москве удалось достичь по вопросу подписания «Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства». Первоначально она даже не входила в повестку дня конференции, однако, в конце концов, стала одним из ее символов (так называемая «Московская декларация»). Ее инициатором был У. Черчилль. Непосредственным стимулом к выдвиганию его предложения стала ситуация на Додеканесских островах, военные действия на которых привлекали особое внимание премьера. Выступая перед британским кабинетом 8 октября, У. Черчилль упомянул о недавнем расстреле немцами 100 итальянских офицеров на острове Кос и заявил, что было бы желательным «опубликовать сейчас декларацию от нашего имени, а также Соединенных

Штатов и России о том, что такое же количество германских офицеров или членов нацистской партии, какое было убито ими людей в различных странах, будет возвращено в эти страны после войны для суда»¹³¹. 12 октября послание с проектом декларации было отправлено И. В. Сталину. В нем отмечалось, что по мере освобождения от фашистского господства все новых территорий «отступающие гитлеровцы и гунны удваивают свои зверства». У Черчилль рассчитывал, что угроза возвращения фашистов в места совершения ими преступлений может оказать «сдерживающее влияние на террор врага»¹³².

К проблеме германских преступлений на захваченных территориях в Москве по понятным причинам относились особенно внимательно, причем позиция союзников в этом вопросе вызывала определенное недовольство. На протяжении 1941–1943 гг. В. М. Молотов направил посольствам и миссиям, аккредитованным на территории СССР, несколько нот, касавшихся зверств германских властей на захваченных территориях. Ответов, по существу, на них не поступало. Как писал С. А. Лозовский в мае 1943 г., «вот уже четвертая нота о зверствах немцев, но ни один посол и ни один посланник союзных с нами стран не высказался публично по этому вопросу»¹³³.

Не удивительно, что к идее У. Черчилля в Москве отнеслись позитивно. 22 октября В. М. Молотов сообщил К. Хэллу, что И. В. Сталин, в принципе, «не возражает против подписания декларации по вопросу о немецких зверствах». Ф. Рузвельт предложил, чтобы декларация была согласована уже в Москве. В итоге ее текст, принятый с небольшими поправками, в которых подчеркивалась роль «чудовищных преступлений», совершенных на территории СССР, был принят на конференции и опубликован от имени Ф. Рузвельта, И. В. Сталина и У. Черчилля¹³⁴.

Хотя в центре Московской конференции находились переговоры трех министров иностранных дел, И. В. Сталин зримо и незримо присутствовал на ней. На протяжении работы конференции В. М. Молотов ближе к ночи посещал кабинет И. В. Сталина и, по всей видимости, информировал его о ходе переговоров¹³⁵.

Важную роль играли и личные встречи И. В. Сталина с А. Иденом (21 и 27 октября) и К. Хэллом (25 октября и на ужине 30 октября). Помимо обсуждения вопросов, непосредственно к Московской конференции не относившихся (северные конвои, британский персонал, место проведения будущей конференции глав правительств и другие), И. В. Сталин во время встреч с британским министром иностранных дел давал своего рода сигналы о реакции советского правительства на ход конференции. Если 21 октября Верховный главнокомандующий был достаточно сдержан: «Дела идут пока хорошо», то спустя шесть дней он был настроен оптимистичнее: «Молотов говорит, что надо быть удовлетворенным ходом конференции». А на ужине 30 октября И. В. Сталин уже совершенно уверенно сказал К. Хэллу: «У вас была удачная конференция»¹³⁶.

«Беседы министра со Сталиным прошли очень хорошо, — докладывал в Лондон первый заместитель А. Идена А. Кадоган. — Он (А. Иден. — *Прим. ред.*) считает, что мы недооценивали ощущение изоляции, которое до сих пор испытывали русские и которое лишь еще больше обострялось на фоне их огромных побед. Теперь очевидно, что они изо всех сил стремятся к успеху конференции»¹³⁷.

Наиболее значимым по своим долгосрочным последствиям было заявление И. В. Сталина, сделанное К. Хэллу во время ужина 30 октября. Государственный секретарь сообщил его содержание Ф. Рузвельту лишь 2 ноября, соблюдая максимальную секретность: одна часть сообщения была зашифрована кодом ВМФ, другая — армейским. Его суть состояла в обещании И. В. Сталина о том, что СССР окажет помощь в войне с Японией после нанесения поражения Германии¹³⁸. Хотя эти слова главы советского правительства не соответствовали настроениям, преобладавшим в это время в НКВД, они, безусловно, не были спонтанными. Решение ГКО о строительстве железной дороги Комсомольск-на-Амуре — Советская Гавань под руководством НКВД, принятое в августе 1943 г., уже могло рассматриваться как важный индикатор в изменении советской позиции¹³⁹. В сентябре был заметен и интерес к получению от союзников сведений по Дальнему Востоку. В обмен на предоставление британцам

информации, поступавшей от агента Сильвера (приближенного Субхаса Чандра Боса, главы Индийской национальной армии), советские органы хотели получать от Лондона разведданные именно по Дальнему Востоку¹⁴⁰.

Итоги Московской конференции были расценены как большой успех во всех союзных столицах. Ф. Рузвельт в послании У. Черчиллю называл конференцию «подлинным началом британо-российско-американского сотрудничества, которое должно привести к скорому поражению Гитлера»¹⁴¹. У. Черчилль также считал, что Московская конференция достигла «больших результатов»¹⁴². Но дело было не только в достигнутых на ней конкретных соглашениях, а и в самой атмосфере союзной солидарности, впервые за все время войны столь явственно проявившейся во время Московского форума. Неслучайно А. Иден в своем отчете перед парламентом говорил о царившей на конференции «дружеской атмосфере взаимной заинтересованности и взаимного доверия»¹⁴³.

Западные союзники в один голос констатировали на редкость конструктивную позицию советской стороны, сделавшей все возможное для успеха конференции. В ее ходе, телеграфировал А. Иден У. Черчиллю, «было много признаков того, что члены советского правительства искренне хотят поставить отношения с нами и Соединенными Штатами на почву постоянной дружбы»¹⁴⁴. А. Керр, как и другие западные участники переговоров, так характеризовал главную причину этого нового настроения: «Советы почувствовали, что они впервые свободно допущены в наш интимный круг как равные»¹⁴⁵. Советник Госдепартамента Ч. Болен на совещании в посольстве США в Москве отмечал, что конференция ознаменовала «возвращение СССР в качестве члена сообщества наций, наделенного соответствующей ответственностью»¹⁴⁶.

И в самом деле, удовлетворение от вхождения на равных в клуб великих держав ощущается даже в сухом циркуляре В. М. Молотова для НКВД по итогам конференции: «Замечания и предложения советской делегации весьма серьезно принимались во внимание. В общем, работу конференции, принимая во внимание поставленную перед ней задачу, общую повестку дня, а также то, что это была первая встреча трех министров, следует считать удовлетворительной»¹⁴⁷.

Положительные оценки итогов Московской конференции были вполне оправданны. Конференция, перед началом которой мало кто ожидал позитивных результатов, знаменовала собой углубление сотрудничества ведущих держав антигитлеровской коалиции. Тот факт, что министрам иностранных дел удалось достигнуть согласованных решений по столь широкому кругу вопросов, говорил о наличии определенного схождения в позициях трех государств и их готовности идти на компромиссы. Принятие на конференции «Декларации четырех» указывало на возможность продолжения сотрудничества СССР, США и Великобритании и после окончания войны. Стремление В. М. Молотова ускорить процесс разработки вопросов, связанных с будущим учреждением «всеобщей международной организации», подчеркивало заинтересованность Советского Союза в укреплении своего нового статуса одной из ведущих держав мира. Особое значение имело и решение о создании ЕКК, которое означало продвижение в институционализации сотрудничества антигитлеровской коалиции, создавало механизм трехстороннего обсуждения вопросов, связанных с окончанием военных действий.

Советская дипломатия в ходе Московской конференции действовала весьма успешно. Идя на уступки в одних вопросах (присоединение Китая к «Декларации четырех»), в других она жестко отстаивала свои позиции, убедив прежде всего британскую сторону уступить по незначительным пунктам (договор с Чехословакией, компетенция ЕКК). Сам трехсторонний формат конференции, наряду с нежеланием Вашингтона создавать у Москвы впечатления англо-американского «заговора», давал советской дипломатии пространство для маневра. Грамотно прощупав пункты разногласий между США и Великобританией, В. М. Молотов их умело использовал. Согласие И. В. Сталина на последующее вступление СССР в войну с Японией давало серьезный стимул к советско-американскому сближению, при котором Лондону было бы сложнее играть роль «брокера».

Для В. М. Молотова успешное завершение Московской конференции, председателем которой он являлся, было и большим личным достижением. «Его положение в качестве второго после Сталина человека стало более явно, чем в мои предыдущие визиты», — писал А. Гарриман Ф. Рузвельту¹⁴⁸. Сочетая жесткость в отстаивании советских позиций с умением учитывать мнение партнеров, В. М. Молотов произвел сильное личное впечатление на западных участников. «Молотов проводил заседания с неизменным тактом, мастерством и хорошим настроением, — говорилось в британском отчете о конференции. — Его манера вести дискуссию завоевала наше уважение и искреннюю признательность»¹⁴⁹.

Разумеется, Московская конференция не разрешила всех противоречий в антигитлеровской коалиции. Хотя американские и британские представители подтвердили решение об открытии второго фронта весной 1944 г., это еще не гарантировало его точного соблюдения. В своих внутренних оценках американцы и особенно англичане резервировали за собой возможность изменения намеченного срока¹⁵⁰.

По ряду вопросов на Московской конференции не удалось достичь решения (будущее Германии, Польша, Иран, проблема федераций), некоторые совместные решения (как «Декларация об ответственности гитлеровцев за свершенные преступления») впоследствии имели различные интерпретации при их применении на практике¹⁵¹. Не стало полностью сбалансированным после конференции и взаимодействие в рамках большой тройки. Несмотря на то что советской стороне удалось сделать шаг по направлению к равноправному сотрудничеству с США и Великобританией, это отнюдь не означало свертывания особых отношений между Лондоном и Вашингтоном.

В целом же, положительные результаты Московской конференции, безусловно, преобладали. Являясь самой длительной по продолжительности конференцией трех держав в годы войны и весьма сложной по своей повестке дня, она способствовала консолидации государств антигитлеровской коалиции, принесла компромиссные решения по целому ряду дипломатических вопросов, а также в немалой степени подготовила результаты следующей, Тегеранской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании.

Тегеранская конференция 1943 г.

Ф. Рузвельт и У. Черчилль, как известно, давно приглашали И. В. Сталина на встречу втроем. Однако только теперь, после коренного перелома в ходе войны, советский лидер почувствовал себя достаточно уверенным, чтобы принять это приглашение. За ним уже стояли великие военные победы, возросшая мощь и авторитет Советского государства, позволявшие рассчитывать на успешное отстаивание интересов СССР. Ему же принадлежало и предложение о месте созыва конференции. В посланиях У. Черчиллю и Ф. Рузвельту от 8 сентября 1943 г. И. В. Сталин соглашался со сроками предполагаемой встречи, указанными ранее Ф. Рузвельтом, но в качестве места ее проведения впервые предлагал «страну, где имеется представительство всех трех государств, например Иран». У. Черчилль быстро согласился и вскоре предложил кодовое название для встречи — «Эврика». Ф. Рузвельта, однако, вариант Тегерана не устраивал. Ссылаясь на необходимость подписания (в течение 10 дней) документов, поступавших из конгресса, он призывал И. В. Сталина перенести место встречи в Египет или Асмару (бывшую столицу итальянской Эритреи), а после подсказки У. Черчилля — в Хаббанию близ Багдада¹⁵².

Для И. В. Сталина выбор Тегерана был весьма удобен: с одной стороны, соглашаясь покинуть пределы СССР, он делал шаг навстречу союзникам; с другой — организация конференции в соседнем Иране не требовала длительного перелета и многодневного отсутствия в Москве. Там он мог быть уверен в собственной безопасности, ситуация контролировалась советскими военными органами и могла быть обеспечена надежная связь со Ставкой. О том,

что тегеранский вариант стал рассматриваться в Москве заблаговременно, свидетельствует ряд косвенных фактов. Так, уже «в августе в иранскую столицу направилась группа специалистов советских органов госбезопасности с целью выяснить условия, необходимые для проведения конференции и обеспечения безопасности ее участников»¹⁵³.

15 октября 1943 г. в Тегеран прибыл 131-й мотострелковый полк погранвойск НКВД, приступивший к патрулированию улиц, охране советского посольства и комендатуры, других важных объектов, «а затем и зданий, где непосредственно проходила Тегеранская конференция»¹⁵⁴.

В итоге, Ф. Рузвельт согласился на Тегеран только 8 ноября. В послании И. В. Сталину он сослался на то, что нашел способ, как избежать рисков со сроками подписания документов. Говоря о времени проведения конференции (предлагался промежуток с 27 по 30 ноября), Ф. Рузвельт фактически передавал «ключи» в руки И. В. Сталина: «Мы... будем совещаться столько, сколько Вы сочтете возможным находиться в отъезде». Одновременно президент приглашал В. М. Молотова и советского военного представителя на конференцию в Каир (22–26 ноября), но при этом рукой Г. Гопкинса из послания была вычеркнута фраза об участии в данной конференции Чан Кайши¹⁵⁵.

Готовясь к встрече с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, И. В. Сталин хотел заранее знать повестку дня конференции. Это отвечало не только общей настороженности советской дипломатии по отношению к капиталистическим государствам, но и личному подходу И. В. Сталина. «Он вообще очень тщательно готовился к любому разговору. У него была справка по любому обсуждаемому вопросу», он «владел предметом разговора досконально»¹⁵⁶. Однако, как поспешил проинформировать В. М. Молотова А. Гарриман, в прошлом встречи между Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем «проходили в весьма неофициальной обстановке. Не было никакой повестки дня. Президент и премьер-министр давали возможность своим военным советникам вести переговоры и приглашали их тогда, когда нужно было выносить решение». В. М. Молотов возражать не стал¹⁵⁷. Даже согласившись на подобный сценарий, И. В. Сталин терял не так уж много. Фактически он имел карт-бланш по вопросу о сроках своего пребывания в Тегеране и при необходимости мог всегда уехать. Кроме того, недавно прошедшая Московская конференция уже очертила примерный круг вопросов, которые могли быть затронуты на встрече лидеров.

Несмотря на отсутствие повестки дня будущей конференции, было ясно, что советская сторона обязательно поднимет вопрос об открытии второго фронта весной 1944 г. При таком сценарии была бы создана реальная угроза жизненным центрам Германии, отвлечены германские силы с фронта войны с СССР. Одновременно это позволило бы реализовать интересы Советского Союза в сфере безопасности в Восточной и Центральной Европе. Как следовало из документов комиссии К. Е. Ворошилова, по окончании войны Вооруженные силы СССР (по документам о капитуляции соответствующих государств) должны были занять территорию Финляндии, Румынии, Венгрии, принять участие в оккупации Германии¹⁵⁸.

В преддверии Тегеранской конференции концепции дальнейшего ведения войны, разрабатывавшиеся в Москве и Вашингтоне, были явно ближе друг к другу, нежели те, что держал в уме У. Черчилль. СССР и США по ряду пунктов имели сходные интересы¹⁵⁹.

Во время совещаний на борту линкора «Айова», на котором Ф. Рузвельт переплыл Атлантический океан для встречи с У. Черчиллем и Чан Кайши в Каире, президент, размышляя о политических последствиях открытия второго фронта, говорил: «Пусть британцы берут Францию, Люксембург, Бельгию, Баден, Баварию и Вюртемберг... Соединенные Штаты должны занять северо-западную Германию. Мы можем ввести наши корабли в такие порты, как Бремен и Гамбург, а также в [порты] Норвегии и Дании, и мы должны дойти до Берлина. Тогда пусть Советы занимают территорию к востоку от него. Но Берлин должны взять Соединенные Штаты»¹⁶⁰. Однако для осуществления подобных планов необходимо было серьезное американское военное присутствие в Западной Европе. Именно его операция «Оверлорд» и позволяла осуществить.

Посольство СССР в Тегеране

Позиция Великобритании была иной. Осенью 1943 г. У. Черчилль видел, как США наращивают свою мощь, как Ф. Рузвельт и американское командование все более настойчиво продавливают вариант «Оверлорда». Все яснее становилось и превосходство американских сил при проведении этой операции. В этой обстановке У. Черчилль пытался придать максимально возможный приоритет тому театру военных действий, на котором Великобритания сохраняла превосходство, — итальянскому. Продолжение итальянской кампании с занятием Рима и закреплением на линии По — Римини дало бы еще одно преимущество — возможность развернуть дальнейшие военные действия на восток, организовать «правофланговое наступление из северной Италии, используя Истринский полуостров и Люблянский проход на Вену»¹⁶¹.

Привлекал премьер-министра и балканский сценарий дальнейшего развития событий. Еще в июле 1943 г. У. Черчилль говорил командующему союзными силами в Италии генералу Д. Эйзенхауэру о том, что «если бы мы могли удерживать вход в Адриатическое море, дабы отправить хотя бы немного кораблей в порты Далмации и Греции, все западные Балканы могли бы вспыхнуть». Схожую мысль он повторил во время совещания с начальниками штабов 18 ноября на Мальте: «Новые усилия должны быть предприняты, чтобы установить контроль в Адриатике... если наши операции в иных частях Средиземноморья вызовут задержку во взятии Рима, они должны быть отложены. Представляется, что военное командование должно провести операции на Балканах»¹⁶². В случае успехов планов У. Черчилля высадка англо-американских войск на Балканах и их присутствие в юго-восточной Европе,

став «детонаторами»¹⁶³ внутривнутриполитических изменений в странах оси, преградили бы путь на запад советским войскам. С точки зрения Лондона, это не только сэкономило бы британские силы, но и сократило бы влияние Советского Союза.

И. В. Сталин прибыл в Тегеран 26 ноября, Ф. Рузвельт и У. Черчилль — днем позже. Важным организационным моментом, оставшимся пока нерешенным, был вопрос о том, где остановится Ф. Рузвельт на время конференции. В то время как советское и британское посольство стояли вплотную друг к другу, американская миссия находилась в удалении, что создавало проблемы, связанные с постоянным передвижением по городу. Еще 22 ноября в послании И. В. Сталину президент задал вопрос: «Где, по Вашему мнению, должны мы жить?» — словно намекая на возможность приглашения с советской стороны. У. Черчилль, ознакомленный с этим посланием раньше, чем оно дошло до Москвы (24 ноября), хотел перехватить инициативу, предложив Ф. Рузвельту остановиться в британском посольстве и оповестив об этом И. В. Сталина¹⁶⁴.

Однако президент не хотел упускать возможности установить личный доверительный контакт с И. В. Сталиным и тайне зондировал почву для переезда в советскую резиденцию через своих представителей в Тегеране¹⁶⁵. После некоторых переговоров президент с готовностью принял приглашение советской стороны, подтвержденное В. М. Молотовым А. Гарриману в ночь с 27 на 28 ноября. Нарком подчеркнул угрозу, связанную с возможными враждебными актами в отношении руководителей трех государств в случае их перемещения по городу. В 15 часов 28 ноября Ф. Рузвельт переехал в главное здание посольства СССР (советская делегация расположилась в других зданиях на его территории).

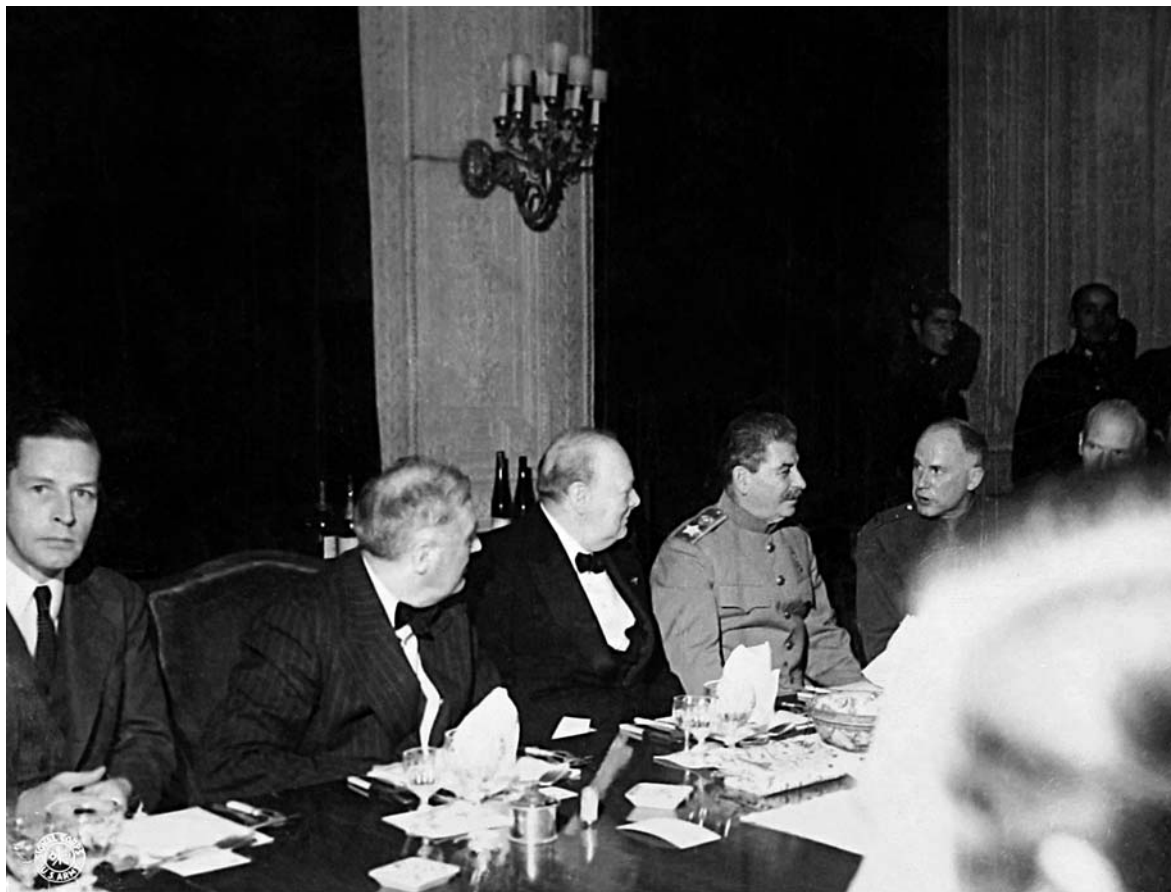
В разговоре с К. Е. Ворошиловым в тот же день до начала открытия самой конференции Ф. Рузвельт заявил, что чувствует себя в советском посольстве не только в абсолютной безопасности, но и «что здесь, в этом зале, мы примем такие важные решения, которые принесут огромную пользу для союзников». Ворошилов ответил, что «вопрос о его безопасности не может даже стоять, и он может чувствовать себя здесь, как дома»¹⁶⁶. Таким образом, еще до официального открытия конференции И. В. Сталин получил немаловажное преимущество — возможность двусторонних встреч с Ф. Рузвельтом.

Все участники конференции понимали, что вопрос об открытии второго фронта будет ключевым на Тегеранской конференции. И советская, и американская сторона знали, что главное противодействие может исходить от У. Черчилля. Беседа с премьер-министром до начала официального открытия конференции, К. Е. Ворошилов сообщил ему о непрестом положении на советско-германском фронте. По результатам разговора советский военачальник записал: «Да-да, я это знаю, — заявил Черчилль, — мы должны все сделать и сделаем, чтобы облегчить положение ваших армий, ведь мы понимаем, в каком мы долгу у вас», — сквозь слезы (крокодиловы) проговорил Черчилль, протягивая мне руку»¹⁶⁷.

Первое заседание конференции 28 ноября начал Ф. Рузвельт «как самый молодой из присутствующих». После обзора ситуации на Тихоокеанском театре военных действий Ф. Рузвельт поставил вопрос, напрямую связанный со вторым фронтом: как использовать англо-американские войска в Средиземном море, учитывая невозможность проведения высадки во Франции ранее 1 мая 1944 г.?

В своем ответе И. В. Сталин дал, по словам А. Идена, «крайне интересный обзор ситуации на русском фронте»¹⁶⁸, подчеркнув масштаб происходивших сражений (со стороны Германии и сателлитов в них принимали участие 260 дивизий, со стороны СССР — от 300 до 330), а также сложности, с которыми сталкивалась Красная армия: потерю Житомира (19 ноября) и Коростеня (25 ноября). Затем глава советского правительства ясно расставил приоритеты: итальянский театр имеет вспомогательное значение (обеспечение свободного плавания по Средиземному морю), главное — «удар по врагу в Северной или в Северо-Западной Франции. Даже операции в Южной Франции были бы лучше, чем операции в Италии»¹⁶⁹.

У. Черчилля подобные перспективы не устраивали. Указывая на имеющийся до планируемого начала «Оверлорда» промежуток времени, он предлагал использовать его для захвата Рима (что должно было, согласно его расчетам, произойти в январе) и продвижения

И. В. Сталин, У. Черчилль и Ф. Рузвельт за столом переговоров на Тегеранской конференции

до линии Пиза — Римини. Отсюда можно было предпринимать высадку в Южной Франции, осуществлять рейды в Югославию. При этом увеличивалась возможность вступления в войну Турции. Хотя среди всех этих операций У. Черчилль упомянул и «Оверлорд», но он явно терялся среди других предложенных вариантов.

И. В. Сталин как раз на это и обратил внимание: «По-моему, было бы лучше, чтобы за базу всех операций в 1944 г. была взята операция «Оверлорд». Если бы одновременно с этой операцией был предпринят десант в Южной Франции, то обе группы могли бы соединиться во Франции». В Италии же глава советского правительства предлагал перейти к обороне, «отказавшись от захвата Рима», и начать операцию в Южной Франции. К концу первого заседания ключевая проблема выявилась достаточно рельефно.

У. Черчилль заявил, что считает «очень отрицательным фактом праздное пребывание нашей армии в районе Средиземного моря. Поэтому мы не можем гарантировать, что будет выдержана точно дата 1 мая». Учитывая вышеприведенные размышления британского премьера, можно было судить о том, что новая отсрочка «Оверлорда» на деле означала бы разворот стратегии в сторону от Северной Франции на Балканы и в Центральную Европу. Фактически, за частным, казалось бы, вопросом о дате начала «Оверлорда» скрывалась ключевая проблема, касавшаяся как дальнейшей стратегии ведения войны, так и определения очертаний послевоенного мира.

Обсуждение проблемы второго фронта продолжили 29 ноября военные представители¹⁷⁰. Начальник британского генштаба генерал А. Брук развил рассуждения, ранее высказанные У. Черчиллем: необходимо использовать имеющийся до начала «Оверлорда» промежуток времени для активных военных действий в Италии с перспективой операций и на Балканах. Его американский коллега генерал Дж. Маршалл указал на проблемы, связанные с недостатком десантных кораблей, — тема, уже хорошо знакомая советским военным. В своем выступлении К. Е. Ворошилов поставил вопрос ребром: «...из доклада генерала Маршалла он понял, что американцы считают операцию «Оверлорд» основной операцией, считает ли генерал Брук... эту операцию также главной операцией?». По воспоминаниям одного из переводчиков советской делегации В. М. Бережкова, «резкость постановки этих вопросов вызвала в зале некоторое замешательство»¹⁷¹. Британский военачальник ушел от прямого ответа, еще раз подчеркнув роль военных действий в Италии. Когда К. Е. Ворошилов повторил свой вопрос, диалог стал в чем-то напоминать их пикировку год назад, в августе 1942 г. в Москве¹⁷². Было ясно, что необходимо достигнуть принципиального политического решения, исходя из которого и происходило бы планирование военных операций.

В промежутке между заседанием военных представителей и новой встречей глав правительств произошла церемония передачи почетного меча — дара короля Великобритании Георга VI гражданам Сталинграда в ознаменование героической обороны города¹⁷³. Задуманная британцами еще давно (А. Иден говорил о ней В. М. Молотову и И. В. Сталину во время Московской конференции)¹⁷⁴, на данной стадии Тегеранской конференции она еще раз подчеркнула решающий вклад СССР в войну с общим противником.

На таком фоне началось второе заседание глав правительств 29 ноября. И. В. Сталин, как ранее и К. Е. Ворошилов, решил напрямик выяснить главное, оставляя детали в стороне: «Если можно, то я хотел бы получить ответ на вопрос о том, кто будет назначен командующим операцией «Оверлорд». Ответ Ф. Рузвельта: «Этот вопрос еще не решен», явно разочаровал И. В. Сталина, усматривавшего в этом неготовность союзников к разработке операции.

У. Черчилль, встревоженный возможностью советского вмешательства в этот вопрос, напрямую спросил И. В. Сталина, кого он хотел бы видеть на посту главнокомандующего этой операцией¹⁷⁵. Глава советского правительства, однако, дал понять, что «русские не претендуют на участие в назначении главнокомандующего, но русские хотели бы знать, кто будет главнокомандующим». Подобный ответ, как отмечал В. М. Бережков, явно приободрил У. Черчилля¹⁷⁶. Используя все свое красноречие, он начал развивать ранее высказанные мысли. Силы, находящиеся в Средиземноморье, не должны простаивать, ожидая «Оверлорда», их можно применить для самых разных целей: в Италии, для захвата Родоса, в Южной Франции. У. Черчилль, прибегая к излюбленной британской дипломатической практике, предлагал передать часть вопросов в военную комиссию, часть — на обсуждение В. М. Молотова, А. Идена и Г. Гопкинса.

И. В. Сталин мог увидеть за всем этим отвлекающие маневры, стремление уйти от обсуждения главного. Поэтому он четко расставил приоритеты: «Не нужно никакой военной комиссии. Мы можем решить все вопросы здесь, на совещании. Мы должны решить вопрос о дате, о главнокомандующем и вопрос о необходимости вспомогательной операции в Южной Франции»¹⁷⁷. Затем И. В. Сталин перешел в наступление, подвергнув сомнению правильность британских данных по германским силам на Балканах и пригрозив возможностью своего скорого отъезда.

После того как У. Черчилль заявил, что не может дать обязательства о проведении «Оверлорда» в мае 1944 г., И. В. Сталин прозрачно намекнул: «Сколько времени мы намерены оставаться в Тегеране?». За этой фразой официального протокола вполне могла стоять и более красочная сцена: «Сталин резко поднялся с места и, обращаясь к Молотову и Ворошилову, сказал: «Идемте, нам здесь делать нечего. У нас много дел на фронте»¹⁷⁸. В итоге обстановку разрядил Ф. Рузвельт, однако его слова скорее указывали на согласие с логикой И. В. Сталина, чем У. Черчилля: «Я возражаю против отсрочки операции «Оверлорд», в то время как г-н Черчилль больше подчеркивает важность операций в Средиземном море».

Лидеры держав большой тройки на торжественном приеме в британском посольстве в Тегеране, устроенном по случаю дня рождения У. Черчилля. 30 ноября 1943 г.

В итоге было решено, что Ф. Рузвельт и У. Черчилль согласуют свои точки зрения и сообщат их И. В. Сталину, а комиссия в составе министров иностранных дел и Г. Гопкинса рассмотрит тем временем ряд поднятых на заседании вопросов.

Заседание ОКНШ, на котором должны были быть согласованы точки зрения британцев и американцев, состоялось утром 30 ноября. Они сошлись на 1 июня как дате начала операции по высадке в Северной Франции. Проект решения был отправлен Ф. Рузвельту, который собственноручно исправил срок о начале «Оверлорда» «к 1 июня» на «в течение мая»¹⁷⁹. Он предпочел несколько приукрасить решение ОКНШ, нежели рисковать новым туром дискуссий с И. В. Сталиным.

В результате принятых ОКНШ решений Ф. Рузвельт 30 ноября во время ланча смог «сообщить маршалу Сталину приятную для него новость» о том, что «Оверлорд» намечен на май 1944 г. и будет проведен «при поддержке десанта в Южной Франции». И. В. Сталин выразил «большое удовлетворение», согласно американской записи¹⁸⁰, данным решением и заверил Ф. Рузвельта и У. Черчилля, что «к моменту начала десантных операций во Франции русские подготовят сильный удар по немцам»¹⁸¹.

Мысли, высказанные во время этой неофициальной беседы, были повторены в тот же день на официальном заседании конференции. И. В. Сталин был явно доволен тем, что по главному вопросу ему удалось достичь своей цели. Свидетельством тому стала не только выраженная им готовность задержаться в Тегеране до 3 декабря для обсуждения политических

вопросов, но и предоставленная информация о методах дезинформации противника, которые использовала советская разведка. В итоге, в военных решениях конференции указывалось, что «операция «Оверлорд» будет предпринята в течение мая 1944 года, вместе с операцией против Южной Франции... советские войска предпримут наступление примерно в это же время с целью предотвратить переброску германских сил с восточного на западный фронт». По сути, речь шла о новом этапе коалиционной войны с более тесной, чем прежде, координацией военных действий трех государств: «...военные штабы трех держав должны отныне держать тесный контакт друг с другом в отношении предстоящих операций в Европе»¹⁸².

Решение о согласовании сроков проведения «Оверлорда» косвенно также получило отражение в формулировке «Декларации трех держав», которая должна была продемонстрировать немцам и мировому общественному мнению единство союзников: «Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга»¹⁸³.

Большинство исследователей отмечают, что окончательное решение об «Оверлорде» было принято в Тегеране под совместным нажимом И. В. Сталина и Ф. Рузвельта на их основного оппонента У. Черчилля. Как следует из телеграммы по итогам Тегеранской конференции, оценки советской делегации были несколько иными: «Вначале Черчилль и Рузвельт отказывались назвать срок начала операции «Оверлорд»... Рузвельт, хотя и прямо не поддержал Черчилля в отношении операций в Средиземном море, но также указал, что из-за недостатка десантных средств «Оверлорд», возможно, придется отложить... В результате обсуждения этого вопроса и после нажима с нашей стороны Черчилль и Рузвельт заявили, что операция «Оверлорд» будет предпринята в точно установленный месяц весной 1944 года»¹⁸⁴.

С проблемой второго фронта были непосредственно связаны еще два вопроса, обсуждавшиеся в Тегеране. Первый из них касался Японии. Несмотря на, казалось бы, далекие друг от друга проблемы «Оверлорда» и войны в Тихом океане, в Москве понимали их фактическую взаимосвязь¹⁸⁵. И. В. Сталин хорошо знал о том, что при личной встрече Ф. Рузвельт может поставить вопрос об участии СССР в войне с Японией. Так, еще 19 июля временный поверенный в делах СССР в США (вскоре посол) А. А. Громько передал в Москву содержание разговора с Г. Гопкинсом, в котором помощник президента заявлял, что «при встрече Рузвельт задал бы вопрос, каково будет отношение советского правительства к Японии после того, как Германия будет разбита»¹⁸⁶.

О том, что СССР был готов пойти навстречу американским пожеланиям, учитывая как собственные интересы на Дальнем Востоке, так и с целью ускорить открытие второго фронта в Европе, свидетельствовало еще неформальное заявление И. В. Сталина К. Хэллу во время Московской конференции. В Тегеране глава советского правительства уже 28 ноября подчеркнул, что вступление СССР в войну с Японией «может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать». Это заявление У. Черчилль при личной встрече с И. В. Сталиным 30 ноября назвал «историческим»¹⁸⁷. Такая реакция премьер-министра в немалой степени была связана с неожиданностью для британского руководства, что Москва сама поднимет в Тегеране вопрос о войне с Японией¹⁸⁸. Безусловно, заявление И. В. Сталина принимал в расчет и Ф. Рузвельт — это был еще один стимул поддержать Москву в вопросе второго фронта.

Президент хотел сразу перевести разговор относительно Японии в практическое русло и получить от советской разведки данные «о выпуске самолетов и строительстве тоннажа в Японии»¹⁸⁹, а также запрашивал информацию относительно Приморского края, которая могла быть необходима для размещения там американских бомбардировщиков, интересовался сведениями о дальневосточных портах, возможным взаимодействием с СССР при наступлении на северную часть Курильских островов¹⁹⁰.

И. В. Сталин не спешил с конкретными ответами на американские предложения. Приняв принципиальное решение о вступлении в войну против Японии после нанесения поражения Германии, он не торопился тотчас же осложнять отношения с Токио. Показательно, что запросы американцев о сотрудничестве с советскими органами по транзиту материалов, поступавших из зоны Персидского залива через советскую территорию для Китая, не находили

Торжественная церемония вручения Меча Сталинграда в посольстве СССР в Тегеране.
29 ноября 1943 г.

в это время большого отклика¹⁹¹. Но уже одним своим заявлением по Японии И. В. Сталин внес вклад в позитивное для советской стороны решение вопроса второго фронта. Ф. Рузвельт не только с еще большей готовностью стал поддерживать идею «Оверлорда», но и отказался на данный момент от выделения новых ресурсов на Тихоокеанский театр военных действий — операция «Пират» (высадка на Андаманских островах в Бенгальском заливе), обсуждавшаяся на Каирской конференции, была отменена¹⁹².

Проблема вступления в войну Турции также была неразрывно связана с определением дальнейшей стратегии ведения боевых действий. И. В. Сталин, в отличие от В. М. Молотова на Московской конференции, выразил в Тегеране сомнение в том, что Турцию удастся убедить вступить в войну. По сообщениям разведки, поступавшим в Москву накануне Тегеранской конференции, можно было судить о том, что Анкара достаточно твердо была настроена придерживаться, по крайней мере официально, политики нейтралитета. В сообщении закордонного агента НКГБ от 19 ноября, ссылавшегося на доклад министра иностранных дел Н. Менеменджюглу, говорилось: «Турция согласна вступить в войну немедленно после того, как союзники откроют настоящий и успешный второй фронт против Германии или если Турция сама подвергнется агрессии со стороны Германии или Болгарии»¹⁹³.

В ходе самой Тегеранской конференции И. В. Сталин достаточно быстро понял, что любое упоминание о Турции будет играть на руку планам У. Черчилля, отвлекавшим внимание от «Оверлорда» в пользу Балкан. Тем самым резонно было сделать основной акцент именно на требовании об открытии второго фронта. Это не только отвечало основным стратегическим интересам СССР, но и было наиболее вероятным способом убедить Турцию вступить в войну.

Наибольший интерес в вовлечении Анкары в войну до конца 1943 г. демонстрировал У. Черчилль. Американские представители были настроены более сдержанно. Позиция Вашингтона оставалась той же, что была заявлена на Московской конференции: вступление Турции в войну может отвлечь силы от «Оверлорда». В итоге, решения, принятые в Тегеране по Турции, носили расплывчатый характер. Стороны согласились, что с военной точки зрения крайне желательно, чтобы Турция вступила в войну на стороне союзников до конца года. Было согласовано, что для достижения этой цели Ф. Рузвельт, У. Черчилль и А. Я. Вышинский встретятся в Каире с турецким президентом И. Инёню (встреча состоялась 4–6 декабря 1943 г.).

Проблема Турции помимо вопроса об открытии второго фронта была тесно связана с другим важным вопросом, касавшимся уже больше послевоенного устройства, а именно — режимом черноморских проливов. Инициатива исходила от У. Черчилля, который заявил на заседании 29 ноября о том, что «если Турция не примет предложения о вступлении в войну, то это может иметь серьезные политические последствия для Турции и отразится на ее правах в отношении Босфора и Дарданелл»¹⁹⁴.

Такой ход премьер-министра был отнюдь не спонтанным. В британском правительстве уже в январе 1943 г. всерьез думали о возможных требованиях СССР в отношении доступа к незамерзающим портам и контроля над проливами. Результатом размышлений КНШ по данным проблемам стал доклад от 20 сентября, в котором подчеркивалось, что с точки зрения британских интересов Советскому Союзу не могут быть предоставлены ни физический контроль над зоной проливов (в виде, к примеру, военных баз вблизи них), ни неограниченное право прохода военно-морских судов. Если, однако, без определенных уступок по вопросу проливов не обойтись, считали военные, то следует пойти на пересмотр действующей конвенции о статусе проливов, подписанной в 1936 г. в швейцарском городе Монтрё¹⁹⁵. И. В. Сталин был в курсе этих рекомендаций, поскольку этот доклад Москва получила по каналам разведки¹⁹⁶.

Таким образом, неслучайно в Тегеране советская сторона хотела уточнить намерения У. Черчилля в отношении пересмотра режима проливов. Реагируя на заявление британского премьер-министра на заседании 29 ноября, а также, по всей видимости, имея в виду информацию, поступающую от советской разведки, 30 ноября И. В. Сталин заявил: «Такая большая страна, как Россия, оказалась запертой в Черном море и не имеет из него выхода... если теперь англичане не хотят больше душить Россию, то необходимо, чтобы они облегчили

Выступление Маршала Советского Союза С. М. Буденного в посольстве СССР в Тегеране после вручения Меча Сталинграда

режим проливов». Попытки В. М. Молотова добиться от У. Черчилля уточнения его позиции по изменению режима проливов не принесли, однако, результатов. Британский премьер, держа в уме возможную реакцию турок на столь важные разговоры у них за спиной¹⁹⁷, не стал вдаваться в детали. В целом, обсуждение вопроса о проливах было отложено¹⁹⁸.

Наконец, еще один вопрос, обсуждавшийся в связи с возможным вступлением Турции в войну, касался Болгарии. У. Черчилль хотел выяснить реакцию СССР на возможное начало военных действий между Турцией и Болгарией: объявит ли Москва войну Софии в подобном случае? С точки зрения британцев, «дипломатические и подрывные действия» со стороны СССР были одним из трех основных способов добиться капитуляции Болгарии наряду с воздушными бомбардировками и вступлением Турции в войну¹⁹⁹.

Болгария занимала важное место в системе обеспечения безопасности СССР. Тот факт, что Советский Союз в отличие от Великобритании и США не находился с ней в состоянии войны, мог стать немаловажным преимуществом в деле послевоенного сближения двух государств. В Тегеране И. В. Сталин отнюдь не торопился говорить о готовности СССР вступить в войну с Болгарией. На заседании 1 декабря он указал на то, что от Турции следует требовать вступления в войну «именно против Германии». Возможные сценарии, которые глава советского правительства обрисовал Ф. Рузвельту и У. Черчиллю в случае подобного шага Анкары (Болгария не нападет на Турцию, Турция не нападет на Болгарию; Германия оккупирует Болгарию, последняя «обратится к советскому правительству с просьбой о помощи»)²⁰⁰, также не предполагали открытой конфронтации СССР и Болгарии.

Тем не менее И. В. Сталин заверил союзников в том, что если Болгария объявит войну Турции или нападет на нее, СССР окажется с Болгарией в состоянии войны. Это и было зафиксировано в военных решениях конференции²⁰¹. Учитывая, однако, что И. В. Сталин явно сомневался в готовности Турции вступить в войну с Германией, подобное заявление могло преследовать тактические цели и не означало, что Москва стремилась к открытой конфронтации с Софией.

Вопрос о совместной политике в отношении движения Сопротивления в Югославии также был поднят в Тегеране. Советская сторона подтвердила ранее заявленное стремление отправить военную миссию к И. Б. Тито, а британцы согласились предоставить базу в Каире для поддержания связи с этой миссией²⁰². Согласно американской записи переговоров, В. М. Молотов даже выступил с идеей отправки миссии и к Д. Михайловичу, против чего советская сторона выступала ранее. А. Иден, однако, не стал настаивать на данном предложении²⁰³.

Еще один вопрос, который со времени Московской конференции связывался с мерами по сокращению сроков войны, затрагивал Швецию. Хотя американские дипломаты ожидали, что И. В. Сталин будет настаивать на «значении сотрудничества Швеции в ведении войны»²⁰⁴, советская сторона не стала развивать ранее высказанную идею получения авиабаз. В Тегеране шведский вопрос не обсуждался, однако была затронута другая связанная с ним проблема — Финляндия. На заседании 1 декабря И. В. Сталин сообщил о демаршах, предпринимавшихся финнами через заместителя шведского министра иностранных дел Э. Бохемана для организации переговоров с Москвой. Попытки советского посланника в Швеции А. М. Коллонтай выяснить взгляды финнов на условия выхода из войны привели к получению 29 ноября послания, переданного через того же Э. Бохемана, о готовности Хельсинки принять советско-финляндскую границу 1939 г. с некоторыми поправками в пользу СССР. И. В. Сталина подобный ответ не удовлетворил: он увидел в нем свидетельство того, что финны «не хотят серьезных переговоров с советским правительством. Они еще верят в победу Германии»²⁰⁵.

Преградой на пути выхода Финляндии из войны были опасения ее руководства по поводу возможных требований Москвы. Официально советская позиция была озвучена еще в марте 1943 г., когда США, не находившиеся в состоянии войны с Финляндией, пытались выступить посредником в переговорах между Москвой и Хельсинки. Минимальными условиями, которые выдвигал СССР, были: немедленный разрыв Финляндии с Германией и удаление германских войск из Финляндии, восстановление советско-финляндского мирного договора 1940 г. «со всеми вытекающими из этого последствиями», демобилизация финской армии, возмещение, «хотя бы в половинном размере», нанесенного Финляндией ущерба²⁰⁶. В октябре к этим условиям было добавлено и требование о возврате города и порта Петсамо, который РСФСР уступила Финляндии по Тартускому мирному договору 1920 г.²⁰⁷ К числу требований, которые не озвучивались, но подразумевались в это время в Москве, относился также пункт об оккупации территории Финляндии (включая Аландский архипелаг и острова Финского залива) Вооруженными силами Советского Союза по акту о ее капитуляции²⁰⁸.

В ходе Тегеранской конференции И. В. Сталин несколько смягчил ранее заявленную НКВД позицию. В отношении Петсамо он выразил готовность рассматривать его как элемент обмена: СССР возвращал себе этот ранее переданный Финляндии город, но при этом отказывался от прав аренды на полуостров Ханко (получены по мирному договору 1940 г. сроком на 30 лет)²⁰⁹. Для британцев, считавших, что Ханко — это, «безусловно, одно из мест, где русские захотят иметь базу»²¹⁰, такое заявление было неожиданным. В целом, слова И. В. Сталина о готовности вести переговоры с финнами указывали на более гибкую позицию по сравнению с той, что озвучивалась В. М. Молотовым ранее²¹¹. И хотя никаких конкретных решений по финскому вопросу в Тегеране принято не было, информация И. В. Сталина произвела положительный эффект: СССР не только информировал союзников о «пробных шарах» со стороны Хельсинки, но и демонстрировал готовность обсудить с ними свою возможную реакцию на них.

К. Е. Ворошилов показывает Меч Сталинграда Ф. Рузвельту

Если большинство из вышеуказанных вопросов касались непосредственного ведения войны, то ряд других затрагивал проблемы послевоенного устройства. Вопрос о западных границах СССР был в этом смысле одним из ключевых и наиболее сложных. При обсуждении ситуации вокруг Финляндии У. Черчилль заявил о том, что «Советский Союз должен иметь обеспеченные подходы к Ленинграду», Ф. Рузвельт также упомянул о том, что, согласно имеющейся у него информации, «финны готовы отодвинуть границу от Ленинграда на Карельском перешейке»²¹².

Во время личной встречи с И. В. Сталиным 1 декабря президент по собственной инициативе поднял вопрос о Прибалтийских республиках СССР. Он высказал И. В. Сталину свою давнюю идею: «Я знаю, что Литва, Латвия и Эстония и в прошлом, и совсем недавно состав-

ляли часть Советского Союза, и когда русские армии вновь войдут в эти республики, я не стану воевать из-за этого с Советским Союзом. Но общественное мнение может потребовать проведения там плебисцита»²¹³. И. В. Сталин заявил о том, что «у нас будет немало случаев дать народам этих республик возможность выразить свою волю», подчеркнув, что плебисцит не должен проходить под какой-либо формой международного контроля. В телеграмме советским послам по итогам Тегеранской конференции И. В. Сталин собственноручно вставил в текст В. М. Молотова, описывавший его ответ Ф. Рузвельту, следующие слова: «...вопрос о Прибалтике не подлежит дискуссии, так как Прибалтика входит в состав СССР»²¹⁴. По всей видимости, глава Советского государства хотел подчеркнуть для представителей СССР за рубежом жесткость занимаемой по данному вопросу позиции. Ф. Рузвельт, хотя и учитывавший настроения в США в период приближающихся выборов, мыслил, однако, весьма реалистично. Еще в марте он говорил А. Идену о том, что понимает: «...русские армии во время падения Германии будут находиться на территории балтийских государств, и никто из нас не сможет заставить их уйти оттуда»²¹⁵.

Еще один непростой вопрос, который, по выражению В. М. Молотова, Ф. Рузвельт и У. Черчилль «шупали» в Тегеране²¹⁶, касался Польши. Его обсуждение выявило как разногласия, так и определенное сходство в точках зрения руководителей трех держав. Попытка Ф. Рузвельта поставить вопрос о восстановлении СССР отношений с эмигрантским польским правительством, как и схожий демарш А. Идена во время Московской конференции, натолкнулась на жесткую реакцию И. В. Сталина: «Агенты польского правительства, находящиеся в Польше, связаны с немцами. Они убивают партизан. Вы не можете себе представить, что они там делают»²¹⁷. Подобные же оценки фигурировали в данных советской разведки²¹⁸.

Однако в рамках большой тройки имелась и некоторая общность взглядов по вопросу о Польше. По сути, главы всех трех государств сходились в том, что именно великие державы будут определять основные параметры решения польской проблемы. Как говорил Ф. Рузвельт А. Идену, «в конце концов, что будет иметь Польша, а что нет, решать крупным державам. Он, президент, не намерен идти на мирную конференцию и торговаться с Польшей или другими малыми государствами; в том, что касается вопроса Польши, важно добиться такого решения, которое будет способствовать поддержанию мира»²¹⁹.

В неформальном разговоре наедине с И. В. Сталиным 1 декабря президент был еще откровеннее, ясно дав понять, что в вопросе о Польше его волнуют в основном внутриполитические соображения — голоса избирателей польского происхождения²²⁰. Аппетиты эмигрантского польского правительства во всех трех союзных столицах расценивались как чрезмерные. А. Гарриман вспоминал о диалоге М. М. Литвинова с А. Иденом во время Московской конференции, когда заместитель наркома говорил о том, что Польша должна научиться существовать как малое государство в рамках этнографических границ и оставить претензии на статус великой державы²²¹. А. Иден имел схожие претензии к полякам²²².

Таким образом, в рамках большой тройки к концу 1943 г. имелась определенная основа для компромисса по польскому вопросу на базе его решения великими державами. Конкретным выражением этого был относительный консенсус по вопросу границ Польши. И У. Черчилль, и А. Иден в качестве основы восточной границы Польши рассматривали линию Керзона с одним, однако, немаловажным изменением в пользу Польши — передачей ей Львова. В качестве компенсации за уступки на востоке Польша должна была получить Данциг, Восточную Пруссию и Верхнюю Силезию²²³. Ф. Рузвельт придерживался схожей точки зрения²²⁴. И британцы, и американцы предусматривали возможность существенных перемещений населения в период установления окончательных границ Польши и СССР.

Основа для базового компромисса по вопросу границ Польши выявилась в Тегеране достаточно быстро. Уже во время ужина после первого заседания 28 ноября И. В. Сталин упомянул о возможности передвинуть западную границу Польши до реки Одер и заявил о том, что «русские помогут полякам получить границу по Одру»²²⁵. Показательно, что И. В. Сталин, руководствуясь, вполне вероятно, и стратегическими соображениями, в тактическом отношении смягчил советскую позицию по сравнению с той, что призывал придерживаться

НКИД. Накануне Московской конференции В. Г. Деканозов указывал на необходимость не ангажироваться по вопросу о «расширении Польши за счет Восточной Пруссии», так как у него не было уверенности в том, что «расширенная таким образом в своих границах Польша не будет представлять враждебного Советскому Союзу государства»²²⁶.

Во время ужина 28 ноября У. Черчилль ухватился за слова И. В. Сталина, заявив о том, что при определении границы между СССР и Польшей соображения относительно советской безопасности должны быть «руководящим принципом». Он выдвинул известное предложение о «трех спичках»: как солдаты «принимают левее» во время строевых упражнений, так СССР, Польша и Германия должны передвинуться на запад²²⁷.

У. Черчилль вновь вернулся к своей метафоре на заседании 1 декабря. И. В. Сталин подчеркнул, что «советское правительство стоит на точке зрения этой границы (1939 г. между СССР и Польшей. — *Прим. ред.*) и считает это правильным»²²⁸. Далее, согласно американской записи беседы, А. Иден заявил, что эта граница известна как линия Риббентропа — Молотова. И. В. Сталин ответил, что название не имеет значение, советская сторона в любом случае рассматривает ее как правильную, однако В. М. Молотов счел нужным уточнить: «Граница 1939 г. была линией Керзона». Участники конференции даже начали изучать расположение различных «линий» на карте, причем И. В. Сталин, хотя и признавая, что формально Львов лежит западнее линии Керзона, подчеркнул, что город находится в регионе с доминированием украинского населения и поэтому не может быть передан Польше²²⁹.

Итогом всех этих дискуссий стала так называемая «Тегеранская формула»²³⁰ по вопросу польских границ, предложенная У. Черчиллем: «В принципе, было принято, что очаг Польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Опельнской провинции. Но окончательное проведение границы требует тщательного изучения и возможного расселения населения в некоторых пунктах». В обмен на согласие с данной формулой И. В. Сталин, однако, выдвинул дополнительное условие — предоставление СССР незамерзающих портов Кёнигсберга и Мемеля с соответствующей частью территории Восточной Пруссии. Показательно, что в качестве аргумента он использовал не только стратегические соображения: «Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море», но и исторические: «...это исконно славянские земли»²³¹.

По словам одного из исследователей, У. Черчилль был «захвачен врасплох, но не стал возражать»²³². Действительно, хотя в НКИД идеи о получении контроля над Кёнигсбергом развивались с декабря 1941 г.²³³, Лондон о них не знал. После Тегеранской конференции А. Иден не стал говорить полякам о советской идее относительно Кёнигсберга. В декабре 1943 г. министр писал У. Черчиллю: «Чем больше я думаю насчет требования Сталина о Кёнигсберге, тем я больше убеждаюсь в том, что если поляки согласны вести переговоры на базе линии Керзона, мы должны очень сильно надавить на него (И. В. Сталина. — *Прим. ред.*), чтобы он отказался от этого требования... он добавил это требование в конце разговора, и оно могло быть лишь запоздалой мыслью. В любом случае, когда придет время, мы должны попытаться спасти Кёнигсберг для поляков, но это дело будущего»²³⁴.

Не исключено, что постановка И. В. Сталиным вопроса о Кёнигсберге могла быть невольно спровоцирована самим У. Черчиллем. Еще на заседании 30 ноября У. Черчилль весьма неожиданно заявил о том, что «России необходимо иметь выход к незамерзающим портам... раньше англичане возражали против того, чтобы русские имели выход к теплым морям, но сейчас англичане не имеют против этого никаких возражений». День спустя он заметил, что «позиции России как доминирующей морской и военно-воздушной державы в Балтийском море должны быть обеспечены»²³⁵. В немалой степени подобные заявления британского премьера были нацелены на зондирование намерений СССР в отношении мировых морских коммуникаций. О том, что у Москвы могут быть амбициозные планы в этом смысле (в том числе получение доступа к Персидскому заливу), А. Иден писал еще в начале 1942 г.²³⁶

Прошедшая перед Тегераном Каирская конференция дала дополнительный стимул к выяснению позиции Москвы по Дальнему Востоку. В коммюнике по ее итогам, опубликованном 1 декабря, говорилось, что все территории, захваченные Японией у Китая, должны быть возвращены последнему. Определенные опасения в связи с этим в Лондоне вызывал вопрос о Маньчжурии. Форин-офис считал, что «русские могут иметь определенные виды на распоряжение Маньчжурией»²³⁷.

И. В. Сталин, уже знакомый с текстом Каирского коммюнике, заявил на заседании 30 ноября о своей согласии с тем, «чтобы была создана независимая Корея и чтобы Формоза и Маньчжурия были возвращены Китаю». Воспользовавшись моментом, Ф. Рузвельт упомянул о своей идее свободных портов, наличие которых могло облегчить СССР доступ к теплым морям. Президент не только зондировал советские намерения, но и стремился повысить интерес Москвы к вступлению в войну против Японии. Хотя этот обмен мнениями не привел к конкретным решениям, сам по себе он говорил о серьезном укреплении позиций СССР, перед которым открывались новые возможности по усилению своего присутствия на просторах Мирового океана. И. В. Сталин явно был доволен ходом обсуждений, заявив, что «если и дальше переговоры будут идти успешно, то он готов остаться еще на один день и выехать не 2-го, а 3-го декабря»²³⁸.

К числу ключевых вопросов, затрагивавших послевоенное устройство, относились также германский и французский. Инициативу в начале обсуждения в Тегеране первого из них советские и американские документы приписывают разным лидерам. В телеграмме по итогам конференции, имея в виду заседание 1 декабря, В. М. Молотов писал о том, что «по инициативе Рузвельта был поставлен вопрос о послевоенном устройстве Германии»²³⁹.

Однако американские записи указывают на то, что уже во время ужина 28 ноября И. В. Сталин начал дискуссию по германскому вопросу, указав, что любые меры по контролю и разоружению Германии не смогут предотвратить ее возрождения. При этом он не стал уточнять, какие меры СССР считает по-настоящему эффективными. Не исключено, что член американской делегации Ч. Болен, составивший меморандум по итогам этого разговора, был прав: «...очевидно, Сталин стремился вызвать дискуссию и выяснить взгляды президента и премьер-министра по данным вопросам, не раскрывая, однако, какие решения он предлагает сам»²⁴⁰.

Во время нового обсуждения германского вопроса 1 декабря И. В. Сталин не выступал с конкретными предложениями, предпочитая предоставить инициативу Ф. Рузвельту и У. Черчиллю. Президент США обрисовал схему разделения Германии на пять самостоятельных государств, представлявшую собой несколько модифицированный вариант «плана Уэллеса». Также предлагалось выделить районы Кильского канала и Гамбурга (под управлением Объединенных Наций или четырех держав), Рурскую и Саарскую области (под контролем Объединенных Наций либо «попечителей всей Европы»)²⁴¹.

В вопросе о разделении Германии У. Черчилль, по словам В. М. Молотова, «был настроен менее решительно»²⁴². Само по себе расчленение Германии не было его приоритетом. В разговоре с представителями британских доминионов в октябре он подчеркивал, что «нашей целью должна быть ликвидация двух зол — прусского милитаризма и нацистской тирании. Мы должны сконцентрироваться на этих двух главных целях и надеяться, что, действуя таким образом, мы разделим германский народ»²⁴³. Чрезмерное раздробление было опасно не только ввиду вызывавшего беспокойство усиления СССР, но и с учетом перспектив торгово-экономических отношений с будущей Германией.

В Тегеране У. Черчилль остановился на двух ключевых проблемах: изоляции Пруссии и отделения от Германии южных провинций (Баварии, Бадена, Вюртемберга, Палатината от Саара до Саксонии включительно), которые должны были, по его мысли, войти в состав Дунайской федерации²⁴⁴. Идея была не нова, поскольку предложение А. Идена по Австрии на Московской конференции во многом преследовало ту же цель — образование федерации в Центральной Европе, куда бы вошли в том числе и южногерманские провинции.

Вполне предсказуемо британские планы создания конфедераций натолкнулись на критику И. В. Сталина: «Если мы решим дробить Германию²⁴⁵, то не надо создавать новых объединений». Глава советского правительства подчеркнул: «Венгрия и Австрия должны существовать отдельно друг от друга». Согласно американской записи беседы, И. В. Сталин также добавил, что было бы «большой ошибкой объединять венгров с немцами, так как немцы будут просто контролировать венгров»²⁴⁶.

Обобщая, можно сказать, что позиция, занятая И. В. Сталиным по германскому вопросу, имела выжидательный характер. Тем не менее определенное сходство советских и американских подходов было налицо. Речь шла не только об общем принципе (необходимость расчленения Германии, в пользу которого высказывалась комиссия М. М. Литвинова), но и некоторых деталях. Так, к примеру, за установление контроля над Кильским каналом ратовал не только Ф. Рузвельт, но и комиссия К. Е. Ворошилова²⁴⁷. В целом, И. В. Сталин «положительно отнесся к плану Ф. Рузвельта, не предвешая вопроса о количестве государств, на которое следует раздробить Германию»²⁴⁸, и не раскрывая советских планов. При этом наработки комиссии М. М. Литвинова по вопросу разделения Германии на три государства (Пруссия; Южно-Германское государство в составе Бадена, Вюртемберга, Баварии и Саксонии; Вестфальско-Рейнское государство) были достаточно близки планам, озвученным Ф. Рузвельтом²⁴⁹.

Проблема Германии была тесно связана с перспективами дальнейшего сотрудничества стран большой тройки и планами создания после войны международной организации по обеспечению безопасности. Как общая германская угроза объединила СССР, США и Великобританию в деле ведения войны, так и проведение мероприятий по окончательной нейтрализации этой угрозы после завершения военных действий требовало их сотрудничества.

В Тегеране связь между указанными вопросами проявилась весьма наглядно. Во время встречи с И. В. Сталиным 29 ноября Ф. Рузвельт развил перед ним свои идеи о структуре международной организации, «которая действительно обеспечила бы длительный мир после войны». В представлении президента, она должна была состоять из трех отдельных органов: во-первых, общей организации (35–50 государств), занимавшейся невоенными вопросами и имевшей право лишь давать рекомендации; во-вторых, Исполнительного комитета (10 или 11 государств), в компетенции которого находились бы сельскохозяйственные, экономические проблемы и здравоохранении; в-третьих, Полицейского комитета (СССР, США, Великобритания и Китай), который бы занимался вопросами предотвращения агрессии или нарушения мира.

Вопрос о структуре международной организации как таковой на Тегеранской конференции не входил в число приоритетных для советской делегации. Показательно, что в телеграмме по ее итогам он был предпоследним по счету²⁵⁰. Идеи И. В. Сталина, озвученные во время беседы с Ф. Рузвельтом, по всей видимости, не были окончательными. Он призывал учесть то, что Китай не будет иметь достаточной мощи для предъявления требований какой-либо европейской державе, что европейские государства не одобряют право Китая использовать механизм Полицейского комитета для навязывания им каких-либо решений. В связи с этим он предлагал создать не одну, а две организации (европейскую и дальневосточную либо европейскую и мировую). Ф. Рузвельт указал на сходство этой позиции с той, что занимал У. Черчилль²⁵¹. Вместе с тем, когда В. М. Молотов в телеграмме по итогам конференции изложил указанную точку зрения И. В. Сталина в качестве реакции на предложения Ф. Рузвельта, руководитель Советского государства вычеркнул эти слова, вставив вместо них сухое: «Тов. Сталин не возражал».

Глава советского правительства не только не хотел на данной стадии ангажироваться по вопросу о международной организации, но и, вполне возможно, вновь прибегал к дипломатическому зондажу. Сознательно высказывая Ф. Рузвельту идеи, схожие с черчиллевскими (И. В. Сталин знал о проектах британского премьера), он проверял, как отреагирует президент. В пользу того, чтобы не ангажироваться по вопросу о международной организации в Тегеране, говорило и то, что советская точка зрения по нему не была окончательно

сформулирована²⁵². Ф. Рузвельт все же посчитал, что И. В. Сталин является сторонником «регионального плана Черчилля»²⁵³.

То, что действительно интересовало И. В. Сталина применительно к переговорам о международной организации в Тегеране, — это возможности, которые она предоставила бы большой тройке по занятию стратегических пунктов для предотвращения возможной будущей агрессии со стороны Германии и Японии. Причем, как можно было понять из слов И. В. Сталина, речь шла не только о пунктах на территории Германии и Японии, но и вне их²⁵⁴. Подобная мера давала бы будущей международной организации эффективные средства борьбы с угрозой агрессии и одновременно могла существенно расширить возможности СССР в обеспечении собственной безопасности. Ф. Рузвельт, для которого тезис о праве Объединенных Наций на занятие стратегических пунктов, был частью его излюбленной схемы «четырех полицейских», согласился с И. В. Сталиным, не углубляясь в обстоятельное обсуждение этой важной проблемы²⁵⁵.

Вопрос о стратегических пунктах был связан с обсуждением в Тегеране не только судьбы Германии, но и Франции. По более позднему свидетельству, между И. В. Сталиным и Ф. Рузвельтом даже состоялся диалог. Так, президент сказал: «Если будет мировая полицейская сила, нужны и полицейские участки в стратегических пунктах». На что Сталин ответил: «Вы захотите Дакар, не так ли?»²⁵⁶ Упоминание о возможности передать часть французской колониальной империи под контроль Объединенных Наций после войны было отнюдь не случайным. Позиция, занятая главой советского правительства по французскому вопросу в Тегеране, была весьма неожиданной для союзников. Как говорил А. Иден британскому кабинету министров, «на Тегеранской конференции был обнаружен один из крайне интересных фактов», а именно, что «Сталин настроен крайне критично по отношению к французам... Он говорил о том, что французы по-настоящему не постарались в этой войне, он, безусловно, рассматривал французское государство как прогнившее»²⁵⁷.

Действительно, с первого дня конференции И. В. Сталин высказывал весьма критические суждения как в отношении бывшего и нынешнего руководства Франции, так и, в меньшей степени, Ш. де Голля. Во время ужина 28 ноября он подчеркнул, что прогерманская позиция, занятая нынешним правящим классом Франции, не дает оснований для сохранения за ней ряда колониальных владений. В последующем пересказе В. М. Молотова идеи главы советского правительства были таковы: «При этих условиях нельзя гарантировать, что стратегически важные пункты Французской империи, если они останутся в руках Франции после нынешней войны, не будут использованы против союзников Германией и Японией в случае их попытки развязать новую войну. Чтобы этого не случилось, такие стратегические пункты должны быть взяты под контроль²⁵⁸ международной организацией, созданной для поддержания мира»²⁵⁹. И. В. Сталин также настаивал на том, что Франция приложила недостаточно усилий в войне, ее правители «открыли фронт» для германской армии, по поводу чего он даже вступил в небольшой спор с У. Черчиллем²⁶⁰.

Эти высказывания не противоречили общей позитивной линии СССР в отношении ФКНО. Во-первых, большая часть этих критических замечаний относилась к вишистской Франции, являвшейся союзницей Германии, — она должна была, исходя из этого, понести наказание после войны. Характер подобного наказания, по крайней мере потеря части колониальной империи, вполне к тому же соответствовал давней позиции СССР по борьбе с колониализмом. Во-вторых, как заметил представитель американской делегации Ч. Болен, эти высказывания были направлены прежде всего на выяснение позиций американцев и британцев, представляя собой дипломатический зондаж²⁶¹. Ряд действий И. В. Сталина в отношении ФКНО осенью 1943 г. говорил о его благожелательном настрое в отношении данной организации. Так, в сентябре он не только дал согласие на обмен военными миссиями с ней, но и лично заявил ее главе в Москве генералу Э. Пети, что «Франция в будущем снова возродится... мы и впредь будем помогать французам»²⁶².

Вместе с тем подобные дружественные шаги не означали, что Москва готова удовлетворить все запросы Ш. де Голля. Идеи французского генерала (в передаче директора его

Перед официальной кино- и фотосъемкой. г. Тегеран, 1943 г.

Официальная кино- и фотосъемка по окончании Тегеранской конференции

кабинета Г. Палевского) о том, что «все важные дела послевоенной Европы будут решаться двумя силами — СССР и Францией», в условиях 1943 г. вполне резонно могли расцениваться как чересчур амбициозные. Показательно, что неоднократные попытки Ш. де Голля летом — осенью 1943 г. организовать встречу с И. В. Сталиным не увенчались успехом. Москва предпочитала подождать дальнейшего развития событий, не собираясь на данном этапе осложнять отношения с Вашингтоном и Лондоном разногласиями по Франции²⁶³. Таким образом, позиция, занятая И. В. Сталиным в Тегеране, отвечала скорее тактическим целям по выявлению американской и британской позиции по французскому вопросу.

В целом, обсуждение французского вопроса в Тегеране проходило, как это признавал А. Иден²⁶⁴, под знаком советско-американского сближения за счет некоторой маргинализации У. Черчилля. Особенно показательной в этом смысле была проблема Индокитая. Когда во время личной встречи 28 ноября И. В. Сталин заявил о том, что «не представляет себе, чтобы союзники проливали кровь за освобождение Индокитая и чтобы потом Франция получила Индокитай для восстановления там колониального режима», Ф. Рузвельт полностью согласился с ним²⁶⁵. Хотя в данном случае речь шла о французском колониализме, президент был не лучшего мнения и о его британском варианте²⁶⁶. Неслучайно в Тегеране И. В. Сталин и Ф. Рузвельт сошлись и в вопросе по Индии, признав, что это «большое место Черчилля», хотя никто из двоих не стал осложнять отношения с Лондоном обсуждением данной проблемы на конференции.

Одним из заметных решений Тегеранской конференции, стоявшим несколько особняком от всех вышеперечисленных, стало принятие «Декларации трех держав об Иране». Модификации (по сравнению со временем Московской конференции) подверглась не только советская позиция по данному вопросу, но и общий контекст его обсуждения. Британцы, проявившие инициативу по Ирану во время конференции в Москве, продолжили свои усилия и после нее. По свидетельству американского посланника в Иране Л. Дрейфуса, они поставили иранские власти в известность о дискуссиях в Москве²⁶⁷, стремясь тем самым привлечь официальный Тегеран к своим попыткам склонить СССР к подписанию декларации.

Созыв конференции большой тройки в иранской столице был хорошим стимулом для этого. Еще до ее начала, 25 ноября, премьер-министр А. Сохейли упоминал о декларации в беседе с американцами. После прибытия Ф. Рузвельта в Тегеран на желательность подписания декларации намекнул президенту его личный представитель бригадный генерал П. Хэрли, имевший в Иране хорошие связи. Сами иранские власти основную ставку делали все же на британцев.

Именно в беседе с А. Иденом 29 ноября А. Сохейли и министр иностранных дел М. Саед напрямую заговорили о желательности подписания на конференции «объединенного коммюнике», которое бы содержало следующие пункты: признание союзниками помощи в войне, оказываемой Ираном; подтверждение его независимости, суверенитета и территориальной целостности; учет его экономических нужд при обсуждении мирного договора по итогам войны.

В тот же день А. Сохейли информировал о своем демарше и Л. Дрейфуса. Американцы оперативно, в тот же день, подготовили проект декларации по Ирану, предусмотрительно не став упоминать в нем о «зарубежных советниках» — пункте, вызывавшем у СССР негативную реакцию. Роль посредника взял на себя П. Хэрли. 30 ноября он переговорил с А. Иденом, согласовав американскую и британскую позицию по декларации, а затем с Ф. Рузвельтом, убеждая его обсудить этот вопрос лично с И. В. Сталиным. Хотя уже днем ранее В. М. Молотов выразил А. Сохейли согласие СССР на подписание декларации, П. Хэрли опасался, что советская делегация не твердо стоит на этой позиции, и хотел подстраховаться личным вмешательством президента²⁶⁸.

В итоге, текст декларации был согласован уже в последний день конференции, вечером 1 декабря. «Декларация трех держав об Иране» удовлетворяла основным запросам иранской стороны. В ней признавалась помощь Ирана «в деле ведения войны против общего врага» (особенно в транспортировке грузов по ленд-лизу для СССР), указывалось на готовность

трех держав оказывать ему экономическую помощь (при учете, однако, требований, накладываемых войной), рассмотреть экономические проблемы Ирана после войны, «сохранить полную независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирана»²⁶⁹.

Американские дипломаты были удивлены поворотом в советской позиции по этому документу, подозревая, что за этим стоит «общий сдвиг последнего времени в отношении СССР к Ирану»²⁷⁰. Причиной изменения советской позиции, судя по всему, стало личное вмешательство И. В. Сталина. Еще накануне отъезда в Тегеран, по воспоминаниям главного маршала авиации А. Е. Голованова, верховный главнокомандующий сделал резкий выговор наркому внутренних дел Л. П. Берии, который выступил против идеи встречи И. В. Сталина во время предстоящей конференции с молодым шахом Ирана Мохаммедом Реза Пехлеви²⁷¹. Нарком В. М. Молотов в последующем вспоминал: «В Тегеране в 1943 г. Сталин пошел на прием к юному шаху Ирана — тот даже растерялся. Берия был против такого визита»²⁷².

Визит И. В. Сталина к 24-летнему шаху, состоявшийся 1 декабря в Тегеране, был хорошо рассчитан. И. В. Сталин стал единственным из глав большой тройки, кто запросил встречи с шахом на его собственной территории. Ф. Рузвельт, отклонивший предложение М. Р. Пехлеви быть его гостем во дворце, встретился с шахом 30 ноября на территории советского посольства. У. Черчилль в тот же день, после довольно долгого ожидания, принял его в британском посольстве²⁷³. Своим решением лично поехать к шаху И. В. Сталин не только оказал последнему большую честь (особенно на фоне неуклюжих действий Ф. Рузвельта и У. Черчилля), но и подверг себя определенному риску. В отчете службы безопасности И. В. Сталина говорилось: «Место и время беседы были известны агентуре противника», что потребовало проведения дополнительных мероприятий²⁷⁴.

Позднее В. М. Молотов характеризовал встречу И. В. Сталина с М. Р. Пехлеви как попытку получить шаха в союзники²⁷⁵. Действительно, в ходе разговора И. В. Сталин не только заверил М. Р. Пехлеви в своем стремлении укрепить Иран и личные позиции шаха, но и выразил готовность пойти на конкретные шаги в этом направлении: для начала передать иранской армии двадцать танков и двадцать самолетов, а также отправить советских офицеров в качестве инструкторов²⁷⁶. Эти предложения должны были не только развеять разного рода опасения иранских властей, связанные с пребыванием советских войск на севере страны (в том числе относительно политической ситуации в Иранском Азербайджане)²⁷⁷, но и продемонстрировать шаху готовность Москвы помочь в укреплении его армии. М. Р. Пехлеви придавал этому вопросу большое значение.

Визит И. В. Сталина к шаху был серьезным дипломатическим успехом СССР. Уже после окончания Тегеранской конференции М. Р. Пехлеви направил И. В. Сталину послание, в котором подчеркивал: «Ваш визит к нам оставил у меня весьма глубокие воспоминания». В другом послании, на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина, шах выражал «удовлетворение, которое вызвала у меня декларация Тегеранской конференции об Иране, декларация, выработке которой ваша страна содействовала столь действенным образом»²⁷⁸.

Посланник Л. Дрейфус в своем отчете об организации Тегеранской конференции прямо писал о грубых ошибках американской делегации в отношениях с шахом на фоне дипломатического обращения с ним И. В. Сталина. В Лондоне соглашались с тем, что И. В. Сталин своим визитом к шаху «одержал важную личную победу»²⁷⁹.

В немалой степени эта оценка действий главы советской делегации может быть распространена и на результаты обсуждения большинства других вопросов на Тегеранской конференции. И. В. Сталину удалось добиться от Ф. Рузвельта и У. Черчилля обязательств по главному вопросу — открытию второго фронта. Наличие относительно точной даты начала «Оверлорда» служило немаловажным залогом того, что в этот раз высадка на севере Франции наконец-то будет предпринята. Четко расставив приоритеты, глава советского правительства сумел одновременно представить ряд шагов, отвечавших собственным интересам СССР, в качестве уступок союзникам: заявление о вступлении СССР в войну против Японии после поражения Германии и проведение военных операций на советско-германском фронте в

период «Оверлорда». Глава советской делегации умело демонстрировал готовность СССР действовать в духе солидарности антигитлеровской коалиции, делясь информацией о «мирных пробных шарах» (как он сделал в случае с Финляндией) и словно призывая союзников действовать аналогичным образом. Несколько смягчив позицию НКВД в отношении западной границы Польши, он сумел сделать еще один шаг в сторону признания Лондоном и Вашингтоном западной границы СССР. Проведя зондаж позиций США и Великобритании по вопросам о судьбе Германии и Франции, он не стал детально раскрывать советских планов по ним. Благоприятным для советской стороны было и все большее осознание Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем решающей роли партизан, а не четников, в движении Сопротивления в Югославии.

В Тегеране проявились сильные стороны сталинской личной дипломатии: настойчивость, уверенное владение проблематикой переговоров, умение «продать» нужное решение, способность играть на противоречиях между союзниками. В целом, он произвел сильное впечатление на западных партнеров. Даже А. Брук, далеко не поклонник главы советского правительства, вынужден был признать: «Ни разу в своих заявлениях он не сделал какой-либо стратегической ошибки, оценивал все последствия той или иной ситуации быстро и точно»²⁸⁰.

Характерной чертой дипломатии И. В. Сталина также была тактика «кнута и пряника», уже неплохо известная в это время, прежде всего британцам²⁸¹. Пусть и не в такой ярко выраженной форме, как в период переговоров с У. Черчиллем в августе 1942 г., И. В. Сталин применял ее и в Тегеране. Жестко отстаивая свою точку зрения по вопросу о втором фронте, он смягчил ранее заявленную советскую позицию по Ирану, выразил готовность прислушиваться к мнениям союзников по вопросам переговоров с Финляндией. Личные подарки Ф. Рузвельту и У. Черчиллю также помогли ему снискать расположение партнеров. Тактика «кнута и пряника» проявлялась и в других отношениях. Разница в отношении И. В. Сталина к Ф. Рузвельту и У. Черчиллю в Тегеране была заметна всем, присутствовавшим на конференции. По отношению к президенту он держался подчеркнуто вежливо, даже почтительно, не позволяя себе колкостей, неудобных вопросов и язвительных замечаний.

Однако и в отношениях с Ф. Рузвельтом И. В. Сталин не отказывался от тактики дипломатического зондажа. Глава Советского государства, который, по словам В. М. Молотова, «своим-то далеко не всем доверял»²⁸², сохранял настороженность и в отношении президента — проверить его намерения было отнюдь не лишним. Именно в этом смысле можно истолковывать слова И. В. Сталина, сказанные Ф. Рузвельту во время ужина 28 ноября, о желательности конкретизировать понятие безоговорочной капитуляции: «Какое количество оружия, средств транспорта и т. д. должен выдать противник... не называя их безоговорочной капитуляцией»²⁸³. В. М. Молотов, воспринявший их, по всей видимости, всерьез, дал указание разработать вопрос В. Г. Деканозову. Однако на проекте памятной записки, поступившей в декабре 1943 г. от последнего и составленной в духе заявления И. В. Сталина в Тегеране, В. М. Молотов написал: «Вопрос отпал»²⁸⁴. Можно предполагать, что сразу отличить зондаж И. В. Сталина от действительного внешнеполитического выража подчас не в силах был даже В. М. Молотов.

Несмотря на это, в целом, в Тегеране в отношениях И. В. Сталина и Ф. Рузвельта царил согласие. Подобная ситуация отнюдь не нравилась британцам, считавшим, по словам А. Брука, что «президент в кармане у Сталина»²⁸⁵. Частые «уколы» И. В. Сталина в адрес У. Черчилля, если оставить в стороне морально-этический аспект дела, были весьма эффективным инструментом дипломатии. Благодаря тонкому анализу И. М. Майского в период его пребывания в Лондоне в качестве посла и личному знакомству с У. Черчиллем И. В. Сталин достаточно неплохо представлял себе «эмоционально-художественный» темперамент британского премьера²⁸⁶. Создать для британского премьера некомфортный психологический климат на конференции, использовать готовность Ф. Рузвельта «подыграть» И. В. Сталину в этом вопросе — все это способствовало достижению конкретных политических результатов.

По большому счету, И. В. Сталину в Тегеране удалось достичь поставленных целей. Сделать это стало возможным без серьезного ущерба для его основных обязанностей по

руководству военными действиями СССР. Во время конференции И. В. Сталин не только лично контролировал обсуждение широкого круга дипломатических вопросов, но и оставался «на прямой связи» с фронтом: три раза в день ему докладывали сведения о военной обстановке²⁸⁷.

Тегеранская конференция официально закончилась 1 декабря: «Рузвельт и Черчилль, намеревавшиеся остаться на конференции до 3 декабря, изменили решение в связи с резким ухудшением погоды, которое могло задержать их отлет в Каир» для встречи с И. Инёню²⁸⁸. И. В. Сталин также вылетел из иранской столицы 1 декабря, отправившись в Москву тем же путем, каким прибыл в Тегеран (самолетом до Баку, а далее поездом). В Москву он вернулся 6 декабря.

Решения Тегеранской конференции имели огромное значение. Фактически за непосредственным коренным переломом на фронтах войны произошел новый коренной перелом, была пройдена поворотная точка — на этот раз в стратегии ведения войны странами антигитлеровской коалиции. Военные решения конференции указывали на то, что коалиционная война вступает в новую фазу. Договоренность об одновременном проведении «Оверлорда» на западе Европы и советских наступательных действий на востоке говорила о том, что отношения в рамках большой тройки наполнились «новым содержанием — согласованием планов их военных операций»²⁸⁹.

Решения по широкому кругу вопросов (от помощи партизанам в Югославии до совместных действий по дезинформации противника), достигнутые в Тегеране, указывали на готовность трех сторон формулировать общую стратегию на различных театрах военных действий, глубже посвящать друг друга в свои планы и предпринимать действия по их совместной реализации.

Все это явно свидетельствовало об усилении доверия между СССР, США и Великобританией. «Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели», — говорилось в «Декларации трех держав», принятой на конференции и опубликованной 7 декабря²⁹⁰. В трех столицах признавали успех конференции. Ф. Рузвельт в послании И. В. Сталину 3 декабря характеризовал ее как огромный успех²⁹¹. В отчете британскому кабинету министров А. Иден говорил о том, что «на протяжении всех сложных дискуссий отношение маршала Сталина было дружественным и в наивысшей степени нацеленным на сотрудничество»²⁹². Учительная достигнутый в Тегеране успех, И. В. Сталин неслучайно стремился подчеркнуть позитивное отношение советской стороны к результатам конференции. Заголовок сводки ТАСС по ее итогам он собственноручно исправил с нейтрального «Конференция глав правительств Советского Союза, США и Великобритании» на «Конференция лидеров трех союзных держав»²⁹³. Его правка циркуляра В. М. Молотова советским послам по итогам конференции также показательна: она сглаживала моменты расхождений между союзниками и усиливала впечатление об их согласии по основным вопросам²⁹⁴. Такой же оптимистический тон был задан всей советской пропаганде.

Общее укрепление антигитлеровской коалиции, отразившееся в решениях, принятых на Тегеранской конференции, сопровождалось серьезными процессами внутренней трансформации самой коалиции. Рост военно-экономических потенциалов СССР и США при относительном ослаблении вклада Великобритании в войну указывал на то, что в рамках большой тройки появляются два лидера. После Тегерана У. Черчилль говорил, что именно во время этой конференции он почувствовал, «какая мы маленькая нация». По его словам, «маленький бедный английский ослик» оказался между «огромным русским медведем» с одной стороны и «огромным американским буйволом» с другой²⁹⁵.

Изменение стратегического баланса сил в рамках антигитлеровской коалиции наиболее ярко проявилось в Тегеране в связи с вопросом о создании второго фронта. Обоюдная заинтересованность СССР и США в его открытии на севере Франции в 1944 г. перевесила все красноречие и дипломатическое искусство У. Черчилля. И. В. Сталин, по одному из свидетельств, констатировал: «Как ни дрался, как ни старался Черчилль обвести нас вокруг пальца, а все-таки пришлось сдаться. Однако противник он достойный!»²⁹⁶

В результате решения о приоритете операции «Оверлорд» над британской средиземноморской и балканской стратегией не только открывался путь к скорейшей победе над Германией, к реальной возможности «слопать ей хребет», по выражению главнокомандующего ВМФ США адмирала Э. Кинга²⁹⁷. По сути, за этим решением проглядывали контуры послевоенного мира. Нанесение основного удара в Северной Франции создавало условия для серьезного усиления позиций СССР в Восточной и Центральной Европе, а США — в Западной. В единодушном осуждении колониализма И. В. Сталиным и Ф. Рузвельтом в Тегеране просматривалась и другая ключевая черта послевоенного мира — постепенный закат колониальных империй, в том числе главной из них — Британской. У Черчилль словно предчувствовал масштабы грядущих изменений, говоря в Тегеране: «Проблемы колоссального значения проходят перед нашими глазами, а мы лишь пылинки, осевшие в ночи на карту мира»²⁹⁸.

Решения Тегеранской конференции указывали и на еще один потенциальный путь дальнейшего развития международных отношений — закрепление роли большой тройки как ведущих держав послевоенного мира, согласованно определяющих основные контуры системы безопасности в рамках всеобщей международной организации. Неслучайно Ф. Рузвельт, основной сторонник этой концепции, начал конференцию с приветствия собравшихся на ней участников как «членов новой семьи», а закончил следующими словами: «Мы доказали здесь, в Тегеране, что различные идеалы наших государств могут составить единое гармоничное целое, развиваясь вместе ради общего блага нас самих и всего мира. Покидая эту историческую встречу, мы можем впервые видеть в небе традиционный символ надежды — радугу»²⁹⁹.

Каким из этих надежд суждено воплотиться в жизнь, а каким — нет, должно было показать дальнейшее развитие событий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 8. М., 1977. С. 21.
- ² Кошкин А. А. Японский фронт маршала Сталина. М., 2004. С. 219.
- ³ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца / Пер. с англ. В 2-х т. М., 1958. Т. 2. С. 413.
- ⁴ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1958. С. 138.
- ⁵ СССР и германский вопрос. Т. 1. М., 1996. С. 670. Прим. 90.
- ⁶ Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 104.
- ⁷ Horne A. Macmillan. Vol. 1. L., 1988. P. 205.
- ⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. М., 2008. С. 294.
- ⁹ W. P. (43) 351. July 31, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers 66/40/1.
- ¹⁰ Notter H. Postwar Foreign Policy Preparation, 1939–1945. Washington, 1950. P. 164.
- ¹¹ Hull C. The Memoirs of Cordell Hull. N. Y., 1948. Vol. 2. P. 1247.
- ¹² Roberts G. Litvinov's Lost Peace, 1941–1946 // Journal of Cold War Studies. 2002. Vol. 4. No. 2. P. 32.
- ¹³ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 206.
- ¹⁴ Kimball W. F. The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, 1991. P. 90.
- ¹⁵ Costigliola F. Roosevelt's Lost Alliances: How Personal Politics Helped Start the Cold War. Princeton, 2012. P. 59.
- ¹⁶ Roll D. L. The Hopkins Touch. Harry Hopkins and the Forging of the Alliance to Defeat Hitler. Oxford, 2013. P. 294.
- ¹⁷ W. P. (43) 430. October 5, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /66/41/30.
- ¹⁸ W. P. (43) 398. September 20, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /66/40/48.
- ¹⁹ Reynolds D. From World War to Cold War: Churchill, Roosevelt, and the International History of the 1940s. Oxford, 2006. P. 121.
- ²⁰ Eden to Cadogan, August 21, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office 954/2.
- ²¹ Поздеева Л. В. Лондон — Москва. Британское общественное мнение и СССР. 1939–1945 гг. М., 2000. С. 199
- ²² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1978. С. 39–43, 47–48.
- ²³ Там же. С. 37–43.
- ²⁴ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 263.
- ²⁵ W. M. (43) 135th Conclusions, Min. 4, Conf. Annex. October 5, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/1.
- ²⁶ Eden to Cadogan. August 21, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office 954/2.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1049. Л. 13.
- ²⁸ Sainsbury K. The Turning Point: Roosevelt, Stalin, Churchill, and Chiang-Kai-Shek, 1943. Oxford, 1986. P. 12.
- ²⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 43–47; Американский ежегодник. М., 1974. С. 141–173.
- ³⁰ Там же. С. 51.
- ³¹ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 263.

- ³² На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953). М., 2008. С. 421; *Roberts G. Molotov: Stalin's Cold Warrior*. Washington, 2012. P. 67.
- ³³ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 326–327.
- ³⁴ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 32, 36.
- ³⁵ *Watson D. Molotov and the Moscow Conference. October 1943 // British Association for Slavonic & East European Studies. Conference Paper (Camb. April 2002)*. P. 10.
- ³⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 432.
- ³⁷ From Foreign Office to Moscow. October 18, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office /954/3.
- ³⁸ From Cairo to Foreign Office. October 16, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office 371/37030.
- ³⁹ *Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. 1. Washington, 1963*. P. 563–565.
- ⁴⁰ Так писал сам Молотов в ориентировке советским дипломатическим представителям по результатам конференции (АП РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 233. Л. 67).
- ⁴¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 90.
- ⁴² From Moscow to Foreign Office. October 20, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office 371/37030.
- ⁴³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 92–106.
- ⁴⁴ From Foreign Office to Moscow. October 18, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office /954/3.
- ⁴⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 210.
- ⁴⁶ См.: *Ferris J. Intelligence and OVERLORD: A Snapshot from 6 June 1944 // The Normandy Campaign 1944: Sixty Years On / Ed. by J. Buckley. L., 2006*. P. 191.
- ⁴⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 233. Л. 68.
- ⁴⁸ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 340–348.
- ⁴⁹ *Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. 3. Washington, 1963*. P. 792–798.
- ⁵⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 123.
- ⁵¹ Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / Отв. ред. Л. Н. Нежинский, А. В. Игнатъев. М., 1999. С. 458.
- ⁵² *Roberts G. Moscow's Cold War on the Periphery: Soviet Policy in Greece, Iran, and Turkey, 1943–8 // Journal of Contemporary History. 2011. Vol. 46. No. 1. P. 71. No. 59*.
- ⁵³ *Tamkin N. Britain, Turkey and the Soviet Union, 1940–1945. Basingstoke, 2009*. P. 132.
- ⁵⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 296.
- ⁵⁵ *Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. 1. P. 644*.
- ⁵⁶ *Ibid.* P. 693–694.
- ⁵⁷ W. M. (43) 149th Conclusions, Min. 2, Conf. Annex. November 2, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/7.
- ⁵⁸ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 373. Прим. 100.
- ⁵⁹ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 238.
- ⁶⁰ *Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы. 1930–1950-е годы. М., 2005*. С. 323–324.
- ⁶¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 580–583.
- ⁶² *Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. 1. P. 644*.
- ⁶³ *Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. М., 2004*. С. 367.

- ⁶⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 103–104.
- ⁶⁵ Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. 3. P. 24, 683.
- ⁶⁶ Foo Y. W. Chiang Kaishek's Last Ambassador to Moscow. Basingstoke, 2011. P. 104–105.
- ⁶⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 256.
- ⁶⁸ Roll D. L. The Hopkins Touch. Harry Hopkins and the Forging of the Alliance to Defeat Hitler. P. 306.
- ⁶⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 65.
- ⁷⁰ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 285.
- ⁷¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 187.
- ⁷² СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 323.
- ⁷³ АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 307. Л. 10–12.
- ⁷⁴ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 318.
- ⁷⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 180.
- ⁷⁶ Там же. С. 290.
- ⁷⁷ W. P. (43) 423. September 28, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /66/41/23.
- ⁷⁸ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 57–58, 70–71.
- ⁷⁹ Там же. С. 159.
- ⁸⁰ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 239.
- ⁸¹ W. P. (43) 423. September 28, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /66/41/23.
- ⁸² СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 266.
- ⁸³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 178–179, 399, 431.
- ⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1384. Л. 5.
- ⁸⁵ Там же. Л. 4.
- ⁸⁶ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 234–235; АВП РФ. Ф. 94. Оп. 30. П. 75. Д. 12. Л. 47–57.
- ⁸⁷ The Great Powers and the Polish Question, 1941–1945. L., 1976. P. 157–158.
- ⁸⁸ Эти данные подтверждались информацией Тито, поступавшей в Москву, а также сведениями разведки. См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 192. Л. 4; Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. М., 1991. С. 160–168.
- ⁸⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 143–146, 239–240.
- ⁹⁰ Там же. С. 363–364; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. М., 1983. С. 456.
- ⁹¹ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 389.
- ⁹² Meszerics T. Undermine, of Bring Them Over: SOE and OSS Plans for Hungary in 1943 // Journal of Contemporary History. 2008. Vol. 43. No. 2. P. 203; В целом о британской политике на юго-востоке Европы см.: Barker E. British Policy in South-East Europe in the Second World War. L., 1976.
- ⁹³ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 284.
- ⁹⁴ Meszerics T. Undermine, of Bring Them Over: SOE and OSS Plans for Hungary in 1943 // Journal of Contemporary History. 2008. Vol. 43. No. 2. P. 202, 210.
- ⁹⁵ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 264, 286–287.
- ⁹⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 432.
- ⁹⁷ Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. 3. P. 21; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 369.
- ⁹⁸ Hull C. The Memoirs of Cordell Hull. Vol. 2. P. 1285.

⁹⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 169.

¹⁰⁰ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 252–263.

¹⁰¹ *Наринский М. М., Филитов А. М.* Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. М., 1999. С. 103–105; *Филитов А. М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990 гг. М., 2009. С. 70.

¹⁰² W. M. (43) 135th Conclusions, Min. 4, Conf. Annex. October 5, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/1.

¹⁰³ W. P. (43) 218. May 25, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers 66/37/18.

¹⁰⁴ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 301.

¹⁰⁵ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 112.

¹⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 189. Л. 10.

¹⁰⁷ W. P. (43) 217. May 25, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /66/37/17.

¹⁰⁸ W. P. (43) 444. October 6, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /66/41/44. Британские предложения по ВПК были сообщены Москве 17 октября.

¹⁰⁹ W. M. (43) 137th Conclusions, Min. 4, Conf. Annex. October 8, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/3.

¹¹⁰ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 276–277.

¹¹¹ Там же. С. 328.

¹¹² АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 27. П. 150. Д. 18. Л. 40.

¹¹³ W. M. (43) 142nd Conclusions, Min. 2, Conf. Annex. October 18, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/5.

¹¹⁴ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 329.

¹¹⁵ *Rothwell V. Anthony Eden: A Political Biography, 1931–1957.* Manchester, 1992. P. 76.

¹¹⁶ АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 307. Л. 10.

¹¹⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 227.

¹¹⁸ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 313–314.

¹¹⁹ *Watson D. Molotov and the Moscow Conference.* October 1943 // *British Association for Slavonic & East European Studies. Conference Paper (Camb. April 2002).* P. 16.

¹²⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 322–324.

¹²¹ W. M. (43) 151st Conclusions. November 8, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/36/19.

¹²² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 298–299.

¹²³ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 27. П. 150. Д. 18. Л. 37, 39, 57–57об.

¹²⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 232.

¹²⁵ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 292.

¹²⁶ *Foreign Relations of the United States.* 1943. Vol. 1. P. 573–574, 733.

¹²⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 274–275, 288.

¹²⁸ *Foreign Relations of the United States.* 1943. Vol. 1. P. 674–679.

¹²⁹ АВП РФ. Ф. 94. Оп. 30. П. 75. Д. 13.

¹³⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 317; Данное предложение было принято по инициативе американских представителей. См.: *Foreign Relations of the United States.* 1943. Vol. 1. P. 679.

¹³¹ W. M. (43) 137th Conclusions. October 8, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/36/5.

¹³² Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 173–175.

- ¹³³ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 660. Прим. 62.
- ¹³⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 336–337.
- ¹³⁵ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953). С. 421–423.
- ¹³⁶ Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. 1. P. 685.
- ¹³⁷ From Foreign Office to Washington. October 29, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office 371/37030.
- ¹³⁸ Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 147.
- ¹³⁹ Hasegawa T. Racing the Enemy: Stalin, Truman and the Surrender of Japan. Camb. (Mass.), 2005. P. 24.
- ¹⁴⁰ The Guy Liddell Diaries: 1942–1945. Vol. II / Ed. by N. West. L., 2005. P. 122.
- ¹⁴¹ Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 42.
- ¹⁴² W. M. (43) 148th Conclusions. November 1, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/36/16.
- ¹⁴³ House of Commons. November 11, 1943. P. 1324.
- ¹⁴⁴ For Prime Minister from the Secretary of State. October 29, 1943 // Chartwell Papers, 20/118.
- ¹⁴⁵ From Foreign Office to Canada e. a. November 8, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office 371/37031.
- ¹⁴⁶ Staff Meeting at American Embassy. November 9, 1943 // Library of Congress, W. A. Harriman Papers, Chronological Files, Cont. 170.
- ¹⁴⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 233. Л. 67.
- ¹⁴⁸ Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 65.
- ¹⁴⁹ From Moscow to Foreign Office. November 6, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office 371/37031.
- ¹⁵⁰ W. M. (43) 147th Conclusions, Min. 1, Conf. Annex. October 27, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/6.
- ¹⁵¹ См.: Kochavi A. J. The Moscow Declaration, the Kharkov Trial, and the Question of a Policy on Major War Criminals in the Second World War // History. 1991. Vol. 76. No. 248. P. 401–417.
- ¹⁵² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 55–60.
- ¹⁵³ Ржеушевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945 гг. М., 2004. С. 389.
- ¹⁵⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 689.
- ¹⁵⁵ My Dear Mr. Stalin: the Complete Correspondence between Franklin D. Roosevelt and Joseph V. Stalin / Ed. by S. Butler. New Haven, 2005. P. 181.
- ¹⁵⁶ Берия С. Л. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994. С. 235.
- ¹⁵⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 79–80.
- ¹⁵⁸ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 273–274.
- ¹⁵⁹ Stoler M. A. War by Conference // The International History Review. 1986. Vol. 8. No. 4. P. 623; Несколько иную позицию см.: Eubank K. Summit at Teheran. N. Y., 1985.
- ¹⁶⁰ Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 254.
- ¹⁶¹ Churchill W. S. The Second World War. Vol. V. Boston, 1985. P. 304.
- ¹⁶² C. O. S. (Sextant). November 18, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /99/25.
- ¹⁶³ Stafford D. The Detonator Concept: British Strategy, SOE and European Resistance after the Fall of France // Journal of Contemporary History. 1975. Vol. 10. No. 2. P. 185–217.
- ¹⁶⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 82–84.
- ¹⁶⁵ Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 439–440, 475.
- ¹⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 123. Л. 18.
- ¹⁶⁷ Там же. Л. 17.

¹⁶⁸ W. M. (43) 169th Conclusions, Min. 2, Conf. Annex. December 13, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/15.

¹⁶⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 97.

¹⁷⁰ Там же. С. 103–113.

¹⁷¹ *Бережков В. М.* Тегеран, 1943. М., 1968. С. 60.

¹⁷² РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 123. Л. 6–7.

¹⁷³ Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 466–467.

¹⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 218. Л. 6.

¹⁷⁵ Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 542.

¹⁷⁶ *Бережков В. М.* Указ соч. С. 68.

¹⁷⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 132.

¹⁷⁸ *Бережков В. М.* Указ соч. С. 75.

¹⁷⁹ Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 564. No. 10.

¹⁸⁰ Ibid. P. 565.

¹⁸¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 141.

¹⁸² Там же. С. 155.

¹⁸³ Там же. С. 173–175.

¹⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 99.

¹⁸⁵ *Славинский Б. Н.* СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история. 1937–1945 гг. М., 1999. С. 327.

¹⁸⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. М., 1984. С. 351–352.

¹⁸⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 95, 137.

¹⁸⁸ C. O. S. (Sextant). November 26, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /99/25.

¹⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 8.

¹⁹⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 113, 118–120.

¹⁹¹ Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. III. P. 785.

¹⁹² Иден подчеркивал прямую связь между этим решением и заявлением Сталина относительно Японии. См.: W. M. (43) 169th Conclusions, Min. 2, Conf. Annex. December 13, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/15.

¹⁹³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 561.

¹⁹⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 127.

¹⁹⁵ *Lewis J.* Changing Direction: British Military Planning for Post-War Strategic Defence, 1942–1947. 2nd ed. L., 2003. P. 58.

¹⁹⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 576–577.

¹⁹⁷ После окончания войны И. Инёню как раз с этой точки зрения и критиковал переговоры в Тегеране. См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 45(1). Л. 200.

¹⁹⁸ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 141, 147, 157.

¹⁹⁹ J. S. (Sextant) 9. November 25, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /99/25.

²⁰⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 156–157.

²⁰¹ Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 589.

- ²⁰² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 149.
- ²⁰³ Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 575; W. M. (43) 169th Conclusions, Min. 2, Conf. Annex. December 13, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/15.
- ²⁰⁴ Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 182.
- ²⁰⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 158.
- ²⁰⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 298–299.
- ²⁰⁷ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 268.
- ²⁰⁸ Там же. С. 273.
- ²⁰⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 160.
- ²¹⁰ W. P. (43) 438. October 5, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /66/41/38.
- ²¹¹ См.: *Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л.* Указ. соч. С. 323–324.
- ²¹² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 159.
- ²¹³ Там же. С. 168–169.
- ²¹⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 101; Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 510.
- ²¹⁵ Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. 3. P. 13.
- ²¹⁶ РГАСПИ Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 100.
- ²¹⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 163.
- ²¹⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 521–522.
- ²¹⁹ Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. 3. P. 15.
- ²²⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 168.
- ²²¹ *Kochanski H.* The Eagle Unbowed: Poland and the Poles in the Second World War. Camb. (Mass.), 2012. P. 352.
- ²²² Eden to O'Malley. November 12, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office /954/19.
- ²²³ W. P. (43) 438. October 5, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /66/41/38; The Great Powers and the Polish Question, 1941–1945. P. 160–163.
- ²²⁴ Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. 1. P. 542.
- ²²⁵ Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 510.
- ²²⁶ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 266.
- ²²⁷ Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 512.
- ²²⁸ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 165.
- ²²⁹ Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 599–601.
- ²³⁰ *Sharp T.* The Origins of the 'Teheran Formula' on Polish Frontiers // Journal of Contemporary History. 1977. Vol. 12. No. 2. P. 381–393.
- ²³¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 167.
- ²³² *Kochanski H.* The Eagle Unbowed: Poland and the Poles in the Second World War. P. 357.
- ²³³ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 138.
- ²³⁴ Eden to Churchill. December 24, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office /954/19.
- ²³⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 141, 159.

- ²³⁶ W. P. (42) 96. February 24, 1942 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /66/22/26.
- ²³⁷ W. M. (43) 163rd Conclusions, Min. 2, Conf. Annex. November 29, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/14.
- ²³⁸ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 143.
- ²³⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 102.
- ²⁴⁰ Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 510, 514.
- ²⁴¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 165–166.
- ²⁴² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 101.
- ²⁴³ W. P. (43) 430. October 5, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /66/41/30.
- ²⁴⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 166.
- ²⁴⁵ При публикации в данное высказывание Сталина было внесено изменение, «смягчившее» его тон: «Если будет решено разделить Германию». См.: *Филитов А. М.* Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. С. 22.
- ²⁴⁶ Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 603.
- ²⁴⁷ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 274.
- ²⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 102.
- ²⁴⁹ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 252–263, 299–300, 309–312.
- ²⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 103–104.
- ²⁵¹ См.: W. P. (43) 233. June 10, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /66/37/33.
- ²⁵² Показательно, что секретная разработка Штейна «Основные принципы создания Международной организации по охране безопасности и мира» (лишь в трех экземплярах) появилась уже после Тегеранской конференции — 16 декабря 1943 г. См.: АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 298.
- ²⁵³ Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 596. No. 6.
- ²⁵⁴ В американской записи беседы зафиксированы слова Сталина о «стратегических пунктах либо внутри Германии вдоль германских границ, либо даже дальше» (Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 532).
- ²⁵⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 117–118.
- ²⁵⁶ *Costigliola F.* Roosevelt's Lost Alliances: How Personal Politics Helped Start the Cold War. P. 200.
- ²⁵⁷ W. M. (43) 169th Conclusions, Minute 2, Conf. Annex. December 13, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/15.
- ²⁵⁸ Изначальный вариант Молотова, до правки Сталина, был жестче — «оккупированы».
- ²⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 103.
- ²⁶⁰ Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 514; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 4.
- ²⁶¹ Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 514.
- ²⁶² Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1983. С. 269–273.
- ²⁶³ Там же. С. 245, 253; СССР и Франция в годы Второй мировой войны. М., 2006. С. 154–181.
- ²⁶⁴ W. M. (43) 169th Conclusions, Minute 2, Conf. Annex. December 13, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/15.
- ²⁶⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 91.
- ²⁶⁶ *Doenecke J., Stoler M.* Debating Franklin D. Roosevelt's Foreign Policies. Oxford, 2005. P. 54.
- ²⁶⁷ Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 841.
- ²⁶⁸ Ibid. P. 619–620, 623–625, 629, 648–649, 840–842.

- ²⁶⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 176.
- ²⁷⁰ Dreyfus to Secretary of State. December 9, 1943 // National Archives of the United States, Record Group 59, 123 P. Hurley.
- ²⁷¹ Голованов А. Е. Указ. соч. С. 352.
- ²⁷² Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М., 2002. С. 88.
- ²⁷³ Mayle P. D. Eureka Summit. Newark, 1987. P. 128.
- ²⁷⁴ Жильев В., Гамов А. В поезде Сталина «зайцами» ехали уголовники // Комсомольская правда. 7 мая 2007 г.
- ²⁷⁵ Чуев Ф. Указ. соч. С. 88–89.
- ²⁷⁶ From Teheran to Foreign Office. December 7, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office 371/35104.
- ²⁷⁷ АВП РФ. Ф. 94. Оп. 27. П. 73. Д. 40. Л. 8.
- ²⁷⁸ Там же. Оп. 30. П. 75. Д. 18. Л. 3, 7.
- ²⁷⁹ Minute. December 16, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office 371/35104.
- ²⁸⁰ Roberts G. Stalin's Wars: From World War to Cold War, 1939–1953. New Haven, 2006. P. 188.
- ²⁸¹ Churchill & Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. I / Ed. by W. F. Kimball. Princeton, 1984. P. 566.
- ²⁸² Чуев Ф. Указ. соч. С. 42.
- ²⁸³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 103.
- ²⁸⁴ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 329.
- ²⁸⁵ Nisbet R. Roosevelt and Stalin // Modern Age. 1986. Vol. 30. No. 2. P. 110.
- ²⁸⁶ Майский И. М. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943 гг. Кн. 2. Ч. 2. М., 2009. С. 250.
- ²⁸⁷ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1–2. М., 1989. С. 150.
- ²⁸⁸ Волков Ф. Д. За кулисами второй мировой войны. М., 1985. С. 190.
- ²⁸⁹ Сиполс В. Я. Великая Победа и дипломатия. М., 2000. С. 187.
- ²⁹⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 175.
- ²⁹¹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 111.
- ²⁹² W. M. (43) 169th Conclusions, Min. 2, Conf. Annex. December 13, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/15.
- ²⁹³ Roberts G. Stalin's Wars. P. 187.
- ²⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 103–104.
- ²⁹⁵ Reynolds D. From World War to Cold War: Churchill, Roosevelt, and the International History of the 1940s. P. 122.
- ²⁹⁶ Голованов А. Е. Указ. соч. С. 365.
- ²⁹⁷ Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 562.
- ²⁹⁸ Roll D. L. The Hopkins Touch. Harry Hopkins and the Forging of the Alliance to Defeat Hitler. P. 323.
- ²⁹⁹ Kimball W. F. The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. P. 103.